

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

16 1963

СМЕНА

$$[-E_i^{(0)}]u_i^{(0)} = 0.$$

$$\pm [(E_i^{(0)} - E)\delta_{ij} + V_{ij}^{(0)}] = 0; \quad i, j = 1, 2$$

$$= \int u_i^{(0)*} \hat{V} u_j^{(0)} d\tau_A; \quad \Psi_n^{(0)} = \{ \alpha_1^{(n)}, \alpha_2^{(n)}, \dots, \alpha_l^{(n)} \}$$

$$\sum |\alpha_i|^2 = 1$$

$$\frac{1}{E_i^{(-)} - \hat{H}_2} V_{12}^+ \rightarrow V_{12} \Phi_2^{(0)} > \frac{1}{E_i^{(-)} - E_2} \Gamma_2$$

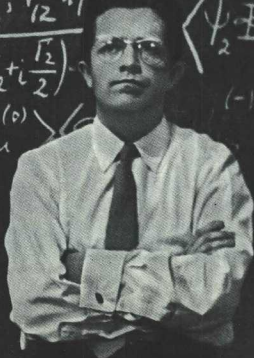
$$\langle \Phi_2^{(0)} | V_{12}^+ \int dE \frac{2\pi (E' - E_2)^2 + \frac{1}{4}\Gamma_2^2}{E_i^{(-)} - E'} \Phi_2^{(0)} \rangle$$

$$V_{12} \frac{1}{E_i^{(-)} - \hat{H}_2} V_{12}^+ = V_{12} \Phi_2^{(0)} \times \Phi_2^{(0)}$$

$$= \langle \Psi_1 u_1 | \hat{H}_Y | \Psi \rangle + \frac{\langle \Phi_2^{(0)} | V_{12}^+ u_1^{(-)} \rangle \langle \Psi_2 \Phi_2^{(0)} | \hat{H} \rangle}{E - (E_2 + i\frac{\Gamma_2}{2})}$$

$$| \Psi_0 \rangle \sim \frac{1}{\Delta E} \sum \langle \Psi_0 | \hat{F} | \Phi_\mu^{(0)} \rangle \langle \Phi_\mu^{(0)} | \hat{H} | \Psi \rangle$$

$$\langle \Psi_0 | V^+ | u_{l_0}^{(-)} \rangle$$

В. ТАРАСЕВИЧ «ПОЕДИНОК».
С фотографией «Наша молодость», 1963.

Модернизация

Рассказать о развитии общественных начал в институте? — Проректор задумался. — Сейчас не могу. Не могу, — повторил он, ударяя на каждый слог, и глядя на дверь, за которой (в ящике, когда проходила в кабинет) толпились студенты. — Прямый день... Я вот вам что посоветую: наш комсомольский вожак Борис Стрельцов сделал на эту тему доклад. Очень толковый доклад. Показательный...

Стрельцов... Я слышал о нем и в обкоме и в редакции молодежной газеты. И неаде: «Найдите Стрельца».

Испробуй его найди... Есть люди — все время в движении, в кипении, не застывает их в кабинете. Прождай два часа в комитете комсомола, я попал: Стрельцов за этой порогом.

В институтских коридорах текла шумок: лекция кончилась, но студенты не торопились лекцию прожидать, о чем-то спорили, шутили, смеялись.

— Пет, Гена, и ты же праа! — Смутла девушка отнесла и оку выскомого парня в клетчатый вышитый рубчик. — Сразу начальственный тон, автор, вместо того, чтобы по-хорошему...

— Они же... — заморгал черны.

— Они дипломники, авинты. Тем более надо по-человечески. Прав Стрельцов, товарищ, что мы слишком часто забываем хорошее русское слово «пожалуйста».

— Вы знаете, пожалуйста, — вмешался я. — Где он?

— Кто? — не поняла девушка. — Стрельцов? Минут двадцать назад видела его в обединции, в библиотеке.

Обединение — через улицу. Четырехэтажное здание, не широкое, но и не тесные комнаты. Очень просторная, но и не тесные комнаты. И странная библиотека. Стеклашки, шкафы с книгами, в ящичках карточки, читательские формулы. Дверь нараспашку, а библиотечка нет.

Нарыв ваял книгу на шкафа, будто из собственного, расписался на карточке, сунул ее в алфавитный ящик и шагнул по коридору, негромко вскрикнув: «Другие книги тут!» Другое место в пилоне и круг. Девушка достала два тома энциклопедии, села за стол.

Я смекнул, что библиотека переведена на самообслуживание. Как матвизин без продавцов, или трамвай без кондуктора. В самом деле, читал ли библиотечка? Для начинающего читателя — конечно: записать, помочь выбрать книгу. Но здесь же студенты, народ грамотный, дисциплинированный. Пусть каждый сам подходит и выдирает — никакой очереди, и книги все на шкафах.

Но, оказалось, отличительная особенность, достоинство этой библиотеки даже не в самообслуживании.

Студенты второго курса физмата как-то задумались: живем в одном обединении, занимаемся математикой, а книги у каждого свои. Какое же участие в библиотеке? Для начинающего читателя — конечно: записать, помочь выбрать книгу. Но здесь же студенты, народ грамотный, дисциплинированный. Пусть каждый сам подходит и выдирает — никакой очереди, и книги все на шкафах.

перед мной, склонившись над томом энциклопедии.

По-разному человек подходит к делу. В школе Люба больше всего любила литературу, писала стихи. Окончила десятилетку, осталась в колхозе. Работала землевод, собирала с подругами отменные урожаи смекны и кукурузы. Потом райком направил комсомолку Жулькинскую кожатой в сельскую школу.

Однажды заболел учитель математики Иван Маркович. Другого математика в школе не было. — Тебе, Люба, придется пока взять часы Ивана Марковича, — сказала заведующая. — Выручай. Программу неполной средней школы не забывай!

Люба программу помнила. Но мечтала о литературе, а тут задачи по бассейну, наполняющейся водой, и поезда, движущиеся навстречу друг другу, формулы, теоремы... Справа ли? Поищет ли ребята?

Иван Маркович стал выдоравливаться, ашел как-то в школу, посылал у нее на одном уроке, потом на другом. Казалось, хмурится старый учитель, не очень доволен. А он после урока ашел здесь же, в классе, объявляя ее за тонок ллечник. — Отличная девочка, математиком будешь. Мени, старого, за пояс заткнешь.

Люба зарделась от похвалы и сказала: — Очень интересный предмет — математика. Оцени!

Это я узнал позже. А здесь, в библиотеке, с пристрастием попрашивал Любу.

Мне нужен был конфликт.

— Вспомните, Люба, умолял я. — Возможно, было такое: провала вдруг книга, и какой-нибудь скитник бржевал: «Бее растащат».

А оказалось, что эта книга случайно... — Не было, — отрезала Люба. — И скитника не было.

— Или, может быть, нерадивый студент взял книгу и забрал про нее и забросил. А общественный библиотечный совет повалил на нерадивого, перепосаа... Припоминать?

— Не припоминать, — покачала головой Люба. — Ведь каждый сам, собственноручно себя в библиотеку записывает. Понимаете? Как бы берет обязательно. Добровольно! Да поговорите со Стрельцом: может, он какой-нибудь конфликт вспомнит.

— Стрельцов, Стрельцов! — почти кричу я. — Где он сейчас?

— В швейную мастерскую пошел, — спокойно объясняет Люба. — Там костюмы готовят к вечеру самодеятельности.

Мастерская тут же, при обединении. Самые обыкновенные джюксы, светловолосые и черные, смелые и застенчивые, склонившие над машинками, пели по рушничку. Обыкновенные ли?

Помните Веру Павловну Розальскую из романа «Что делать?». В середине прошлого века она организовала кооперативные мастерские, построенные на социалистических принципах. Чернышевский писал, что Вера Павловна — человек обыкновенный, только она идет вперед. Люба Хитенко, Светлана Мельник, Аня Васильева, Надя Меньяйлик тоже идут вперед.

...Все началось с разговора о модах.

— Представьте себе, девчата, что живем мы при коммунизме, — размечталась Люба Хитенко. — Сшила я платье. И вдруг — фасон вышел из моды. Проблема! Разорвать новое платье на тряпки? А absurd! По-моему, бережливость и при коммунизме должна остаться.

Девчата согласились: да, бережливость остается. Потому что без разумного отношения и вешам не достать изобилия.

— И никакой проблемы аedes нет, — намурыла брови Аня Васильева. — Перешей, как нравится, — и дело с концом.

Аня шить-то умела. И Люба, и Саета, и Надя Меньяйлик — до поступления в педагогический институт работали на швейной фабрике. Но не всякая студентка может этим похвастаться. О ребятах и говорит нечего: не исколов пальцы, мушкетеры не приходят. И девчата решили: мушкетеры в институте есть — хорошей! Борек их шинки в институте есть — хорошей! Борек их шинки, под персональный контроль, чтобы работали, как часы! Дале. Научить шить всех желающих. И наряд, разумеется: на мужчин выходило непохоже портные. И такой пункт приняли: если товарищ или подруга попросят что-нибудь шить, не отказывайся!

Тем в Одесском институте открылись бесплатная швейная мастерская и своеобразный факультативный курс: кройка и шитье. Комор Стрельцов ходил довольный.

— Понимаете, почему его дорожит? — говорил он девчатам. — В институте швейному делу не учат! А учитель обязан уметь все, совершеннее всего!

— Так уж и все? — поддразнивала его смешливая Света Мельник. — И танцевать?

— Обязательной! — Борис оставался серьезным. — Ты увидела, что люди неправильно, некрасиво танцуют. Сделай им замечание. Обязана сделать! Учительница. А тебя попросят: покажи, как правильно...

— Но шить-то к чему?

— Пришли в класс дети: одному не попросту форма, на другом сидит она мешковато. Кто это заметит, поможет исправить? Учитель!

«Желательно научиться хорошо шить оказалось немало. Но объявился и несостоятельный — Толя Яценченко с факультета физвоспитания (с «физоса», как говорят в институте). Он ашел в мастерскую, постоял, посмотрел, изрек:

— Комнату зря занимаете. Швейная мастерская... Кому это надо? Соорудить бы аedes турничок!»

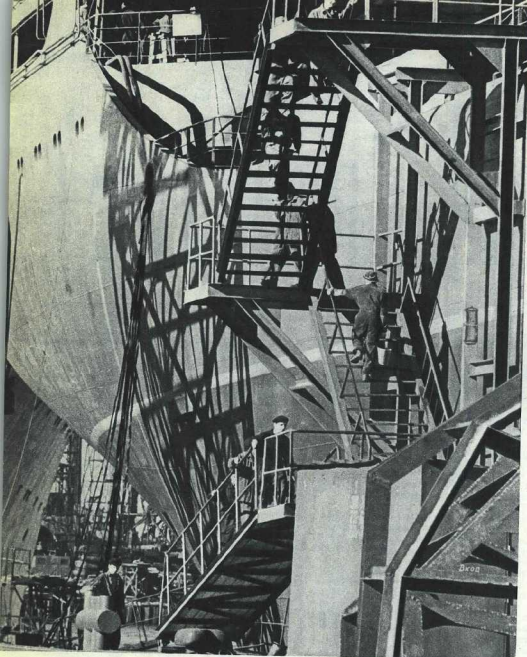
Но так случилось, что именно Толя швейная мастерская вот как понадобилась. На соревновании по гребле он защищал честь института.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

АВАНТ
1988

ТАЛ, ТАЕ

Мастер-застройщик Михаил Гусев.

Виктор САКК
Фото автора.

Надано «Смена» получила письмо из Ленинграда: «Комсомольцы и молодежь Адмиралтейского завода, шефства над подростковой серией танкеро-ригантов, которые будут названы именами столиц стран социалистического лагеря, борются за досрочное завершение работ.

Мы прилагаем все силы, чтобы держать свое слово, но для этого нам необходи-

А форму выдали не по росту, какого-то пятнадцатого последнего размера. С этим Зигиченко смирился не мог.

В мастерской дежурила Люба Хищенко.

— Трусом вот можно немножко... — Толя покрутил рукой, — ушить?

— Конечно, — сказала Люба. — Давай.

— Сам как-нибудь? — Он распорол трусы, сел на машинку. — У меня, между прочим, мать — портниха, с этой техникой неплохо знаком... Почему нетля?

— Наверно заправил шитку. — Люба подошла, переставила челнок.

— Тотто! Мал-мала ошибся. Теперь будет порядок!

— Не будет порядка. — Она закусила губу, чтобы не рассмеяться. — Нужно скрытым швом, а ты... Пустышка.

И в пять минут прострочила трусы.

Через неделю, когда в мастерской снова дежурила Люба, Толя явился опять. Заулыбался с порога:

— Заврастай. Не очень занята? У меня просьба: завузить бы брики...

— Рассказывая мне об этом, девчата смеются.

— Брики завузить — не такой уж серьезный заказ, — вдруг медленно, со значением выговаривает Наде Меньяйкин. — Вот скоро примем заказ так заказ — свадебное платье!

Я смотрю на Любу, на красивую Свету, на Аню... Свадебное платье кому из них. Спросить, кому именно? Но я лишь вежливо оспорились, не досказавши ни девушки, где может быть Борис Стречен.

— Ушел с Хоруженко, директором студенческого магазина, — не отрывая взгляда от

нитки, говорит Люба. — Это в главном здании, в институте.

Выяет как: идишь по следам незнакомого человека, узнаешь от других о его делах, взглядах, склонностях, привычках. И вдруг начинаешь представлять себе этого человека: его голос, улыбку, даже цвет волос. Этот портрет чаще бывает случайным, ошибочным, но иногда поразительно точным.

Что я уже знал о нем? Знал, что в институте Борис пришел из армии, служил рядчиком. Успел окончить какой-то техникум. Три года работал. В приемной комиссии его спросили:

— Почему собираетесь менять профессию?

— Борис ответил:

— Очень люблю детей.

Ответил так искренне, просто, что ему сразу поверили.

Еще я знал, что жена Бориса, студентка четвертого курса, на годичной практике в далеком, глухом уголке области. Каждый вечер Борис закрывается в комнате и пишет ей длинные письма. «Час в сутки, а выкроит для семьи», — шутят студенты.

Это я знал. А дальше вступило воображение. Наверное, он статный, красивый, похожий на артиста Столорова в кинофильме «Цирк». Учился на филомате, любит петь украинские песни, хорошо играет на аккордеоне...

Увы, мне и на этот раз не удалось проверить правильность своих представлений: в магазине я застал одного Анатолия Хоруженко.

«Народный студенческий магазин. Открыт с 12.30 до 13». Всего два с половиной часа в сутки, а работы немало: не только продажа книг, но и пропаганда их и выполнение заявок, своего

рода «Книга — почтой». Преподаватели просто достают новинки; авточины пишут: вышлите учебники; любители поэзии требуют: дайте стихи. А штат магазина — семь человек: директор и шесть продавцов, каждый дежурит раз в неделю.

Часто приходится остатки снимать, спросишь, — все пересчитывать?

— Зачем? — удивляется Анатоль. — Что же мы сами себе не доверяем? Покупателей она сама? Человек, который любит книгу, честный, не верит ему нельзя. Книготорг, как положено, раз в месяц проводит перечет — всегда все сходится. У нас просто: все щипки — опусай деньги, вот книги...

Всегда со студентом-директором, я понял: значение этого звания не только в том, что он оказывает помощь книготору в пропаганде и распространении книг. Работая здесь, студенты учатся новым, коммунистическим отношениям. Ведь бытует еще кое-где обязательское представление, будто торговля не очень благородное дело. А они убеждают: торговля — серьезное, важное, до степени важности чистое дело.

Я думаю, — улыбается Анатоль, — при коммунизме большинство магазинов — всяких, не только книжных — будут народными. При домоуправлениях, предприятиях, институтах народные универсальные магазины! Стречен говорит: эта форма торговли прогрессивна, она должна развиваться.

Опять Стречен! И не спросил у Анатолия, куда он пошел. Вдруг подумалось: не так уж важно, прочтано я доклад комсорга или не прочтано. Многие я уже видел своими глазами,

РОЖДАЮТСЯ ВЕЛИКИЕ

Судоборщик Слава Спирин.

Юрий Егоров, секретар комитета комсомола Адмиралтейского завода.

Монтажник Виктор Исаков.

ма поддержка всех предприятий-поставщиков.

Мы обращаемся и коллегам-младшим и молодежи всех предприятий, помогающих нам, с просьбой взять под комсомольский контроль механизмы и поставку механизмов и оборудования для танкеров.»

Когда впервые поахали в Адмиралтейский завод, с его ступенями, вершинами цехов, громадами кранов,

заблуждено сплоскившимися над строящимися кораблями, чувствуешь себя лилипутом в стране великанов и не переставешь удивляться.

Кажется, что мет конца причалам, не счесть спущенных на воду судноз: плавающие рыбоконсервные заводы, ласосозы, портовые танкер «Ханой». С каждым днем расцвет на ступе и другой танкер — «Гавана,

запоженный в честь пребывания нынешним летом Фиделя Кастро в Ленинграде.

Строительство танкерогигантов — это передний край работы адмиралтейцев. «Ханой» уже спущен на воду. Седьмого ноября, на месяц раньше срока, работы на нем будут полностью завершены.

В кинемии трудовых будней родился на Адмиралтейском новый комсомоль-

ский почин: объявлена непримиримая борьба с производственными потерями рабочего времени.

Оказывается, есть возможность, — говорит секретарь комсомольской организации завода Юрий Егоров, — без всяких капитальных затрат получить дополнительную продукцию на десятки тысяч рублей. Для этого нужно только честно и добросовестно отдавать

каждую минуту своего рабочего времени производству.

Длина танкера — 230 метров. Сколько потребуется времени, чтобы лишней раз пройти с носа на корму, спуститься по трапу и подняться обратно, выкурить папиросу с товарищем, обсудить выданный накануне фильм? Ерунда, какие-то минуты, но эти минуты складываются в часы. А сколько непросто-

Важнее другое: «загнаться» среди студентов, пожит их жизнью, как можно больше увидеть, услышать, познать.

И я попробовал «загнаться»... Девушку зовут Тания. Сейчас ей девятнадцать. В приходе лету пришла к ней бедняк. Из родной Сибири привезла Танию на юг, в одну из одесских больниц. В городе у нее не было ни одного знакомого.

И вдруг в Тание пришли студенты. Пришли в день рождения, третьего января, когда ей было особенно грустно, потому что где-то застряли письма из дома и день казался темным и бесконечным. Не уместился на белой тумбочке сверток, являвший, купленные от щедрого сердца на студенической ситнейдию.

Таниа смуталась: — Зачем? Ничего мне не надо. — Это на всех, — просто сказала Люда Войченко. — Отпривозим день рождения. В палате стало уютнее и будто теплее, и Таниа задышлась, впервые за последние годы.

— Таниа, — сказал ей Толя Гуденко, — тебе надо учиться. Поступай в заочную школу. По моему. Получишь аттестат зрелости, поступишь в институт. Вот только в какой? в медицинский или педагогический?

В одном отделении с Танией лежит семидесятилетний Серрежа. У него взлохот, лохот, озорные глаза. Вязь бы ему задиной и непослой, если

бы не болезнь. Серрежа — сирота. «Ни одной родной души в целом свете», — выдыхал сердобольное нынчик. Выдыхали... Теперь никто так не скажет. Как, бывало, боевые поля условляли мальчишек, так Одесский педагогический назвал своим сыном Серрежу.

Не оди Серрежа — сам институт. Во второй половине дня, когда окончены лекции, в палаты 5-й Одесской больницы приходят студенты. Они еще надевают в вестиле халаты, а станут торжественно на кровати, институтом буквари и задачки, раскладывая тетради.

— Здравствуйте, дети, — начинает необыкновенный урок Таниа Сугацкая. — Кто вспомнит, что было задано?

И сияют глаза ребят, и тантуют руки... Так изво дня в день, терпеливо, с любовью, подвижнички.

— Потом я попал на занятия юношеской математической и детской спортивной школ, организованных на общественных началах при институте. Смотрел хороший документальный фильм «Наши будни», созданный любительской группой 5-й Одесской больницы. А к концу дня все-таки встретился с Воей Стречем.

На спортивно-легкомеш шел мы вручную мячу между педагогическим и политехническим институтами. В команде педагогического, на правителем, и играл комсорг. Среднего роста, чучучю худощавый блондин, он не был похож на артиста Столярова в кинофильме «Цирк». И не математиком оказался Стречей, а студентом физмеха.

Конечно, я болел за «своих». И недаром: ре-

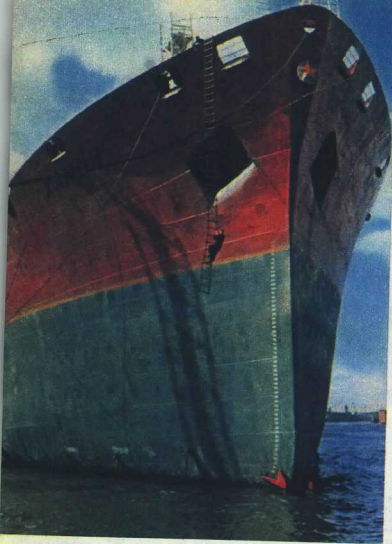
бата здорово «кляки» мачи. К первому счет стал 12:5 в нашу пользу. После каждого удачного броска какой-то веселый болельщик в азимотаже выкрикивал: «Вот это здорово!»

А потом что-то «спомалось» в игра. За полминуты до заключительного свистка «политических» сравнили счет. И тут под неистовый рев трибуны Стречей, пройдя по краю, отпосыл бром в центр, снова получив его и точным бромом, в иадении, послал в ворота. Игра была сделана.

Со стадиона шли вместе. Говорили о литературе, потом почему-то переселились на киберкутук, в которой он живо разбирался лучше меня. И «подсмотрел», что Стречей голубоглазый. Глаза его то задумчивые, спокойные, то ядрут такие в них выпрагуют веселые искорки, что кажется, злытся сейчас серьезный комсорг или покая, и наденит, крикнет всей улице: «А ну, кто быстрый добежит до самого моря?! Раз, два, три...» Наверное, таким же веселым и боевым, богатым физическими и духовными силами, должен быть комсомолец-симв, имени которого мы пока что не знаем. И комсомолец-восемь, и девять... и двадцать... Потому что на таких, как мой спутник, простых парней выковываются железные люди.

Темнею. Дерзбосовская заснула огнем. День кончился. И подумалось вдруг, что, пожалуй, самое интересное, самое важное из того, что увидел и узнал я в этот наполненный впечатлениями день — люди. Обыкновенные, но авичишь, не представляющие себе жизни без того нового, что вчера мы еще называли ростками коммунистических отношений.

Это уже не ростки — густые, буйные всходы.

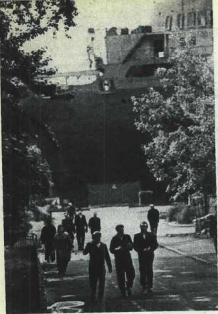
дителяльного времени терпеться на устранение и переделку брака! — рассказывает Юрий.

Молодые строители танкера понимают, что только от них зависит успешное использование этого важнейшего резерва производства. Сейчас почти адмиралтейцев подхвачен всеми юными гражданами.

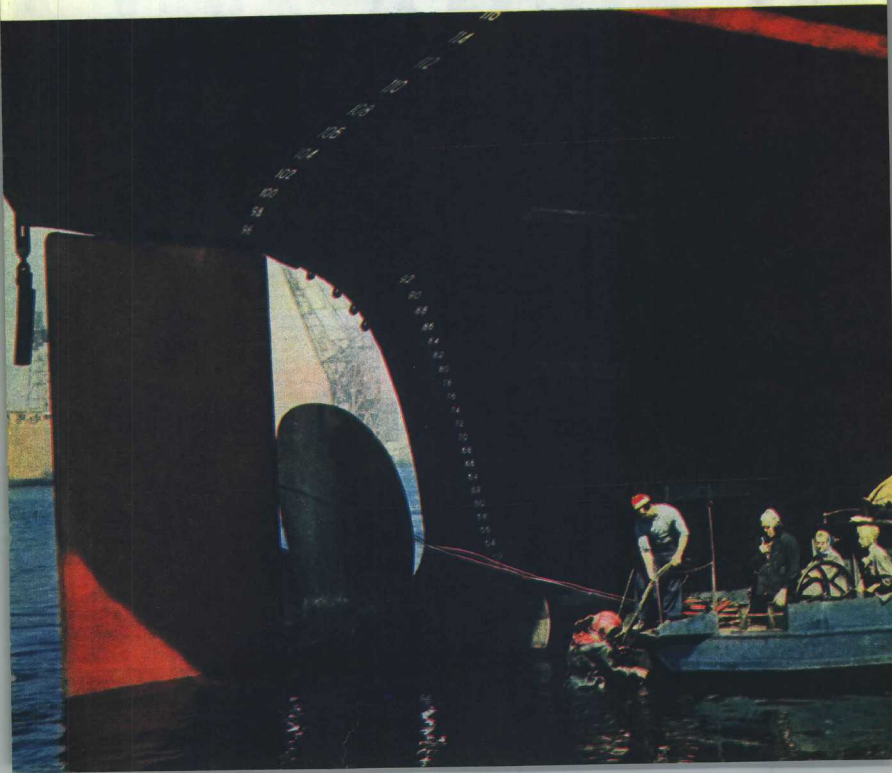
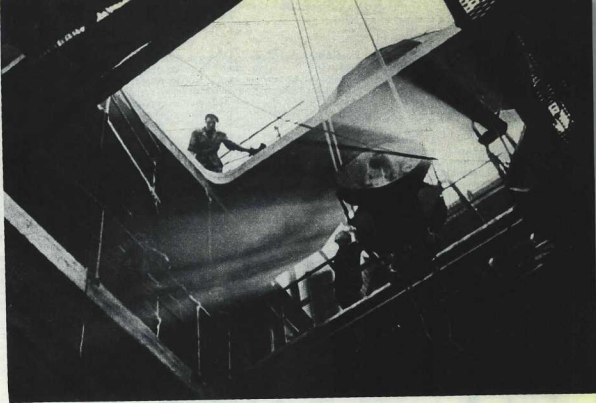
Покидая завод, уже не удивляешься размером гребного винта, занимающего целую железнодорожную платформу, гигантским кораблям и многотонным кранам. Потому что под стать этим стальным великанам здесь и сами люди и их дела.

Водоизмещение танкера-гиганта — 62 тысячи тонн, длина — 230 метров, мощность главной машины — 19 тысяч лошадиных сил, грузоподъемность — 43 тысячи тонн. Чтобы разложить якорную цепь великана корабля, потребовалась бы целая Исаакиевская площадь. И под стать великану люди, которые создают все это своими руками.

*Все они с одного завода — и хозяева
вмосты и хозяева подводного царства.*

В «Сменах» № 13 под рубрикой «Читатель был тронут» были опубликованы письма цеховых механизаторов Ивана Габя и Леонида Баранова. Они поднимали важную проблему — текучесть механизаторских кадров в некоторых цеховых хозяйствах.

Корреспондент: Почему произошла в цеховых хозяйствах — «Шушском» и «Юктовском». Вот что он сообщает.

— Вот эти два Ивана сейчас в Комаровской области, на шате. Гречин в Космово. Володыга Лозов в Ивановской области, трактористом на канале. А вот этот, с гитарой, Елисеев Сергей, Плушт, не поменялся ли руководством в «Шушском».

— Мы помним 1954 год. Помним, как шли на цеховую шпелюню под комсомольскими знаменами. Рассказывает, как работчица кустанейской фабрики «Большевик» в середине марта раздобыла для новоселов букеты живых цветов, как вручала эти букеты на завязанном перроне поездов комсомолка. Как распределяла по семьям детей, чтобы не делили они с родственниками первых платочных месяцев. И как торжественно и радостно гремела оркестры.

В «Шушском» оркестра уже не было. Но бы-

Мне почему-то очень захотелось поговорить о романтике с управляющим, первым отделенцем совхоза Федоров Григориевичем Колесниковым. Поговорить миманю с ним, потому что Леонтий Баранов рассказал мне об одном интересном факте. В горнице душ управляющий вместе с сыном, союзником Иваном, прибрели по слоном, но цене союзный этапни и все свое унаице, рабоче время и жар души вложили в ремонт и усовершенствование этого «газика».

С Леонтием Барановым мы влезли в ослепленную Федоровым Григориевичем витальную сказку имени Карла Маркса и двинулись в «Шушский» для воскресенья. На дверях союзной котормы висел замок, и шофер агитшашины Кузубовый Карлабеков повед нас на первое отделение, к дому управляющего Колесника.

— Между прочим, — сказал Баранов, — когда Колесник строил себе дом, делать саман помогало ему же отделение. Купил шикн вина и приглашал к себе на воскресенье. Коллектив, дескать, великая сила. А потом этот дом он продал и все влез в союзную квартиру.

Федор Григорьевич не мог познакомиться на своею память и, как только узнал, что меня интересует проблема текучести кадров, с готовностью припомнил несколько эпизодов на жизни це-

М сидели на скамье в зале ожидания станции Осозарова, недалеко от баракавды. Сидели плечом к плечу, потому что так было теплее. Парень привычно ломал зубами жесткий пряник и говорил будничным голосом:

— Вот, к примеру, наша бригада. Плотицин, Каменчикин, Штурткин. Собирается поехать по союзам. Говорят, хорошо закончатся. Парень говорил правду. Директора некоторых союзом охотно заключают договоры с цеховыми строителями. С такими бригадами очень легко справиться...

— Заканчатся полста кусков за сезон — пара пистунов. — Парень был очень слоуном и уверен в себе. Видно, он хорошо знал, что ему вникую. — И ты меня не агитируй. У каждого своея судьба

и своя работа. Мне моз жизнь пока что нравится.

Это было давно, во время траты цеховый посевной. И сейчас, по дороге в Агбарский район, я снова вспомнил эту встречу. В моем кармане лежали два письма. Они пришли в Москву с цеховыми из Антисобинской и Целиноградской областей. Иван Габ и Леонтий Баранов писали, что в цеховых хозяйствах плохо применяются молодые механизаторы. Сам Леонтий ушел из Шушского совхоза и переехал в союз имени Карла Маркса. В «Шушском» не дает работать по-настоящему, никак не разбираются с ребятами, писал Баранов. Иван Габ из совхоза «Юктовский» сообщил, что ежегодно их хозяйство покидают более пятнадцати механизаторов.

Письма были тревожные. Они напомнили мне самые первые, трудные годы целины.

Я начал поминать Леонида Баранова, когда лектор стал задавать вопросы. В зале союзного клуба московский киновед рассказывал о том, как снимаются фильмы. В рядках взматывалась чья-то рука:

— Объясните, пожалуйста, что такое система Пираделло?

В совхозе имени Карла Маркса уже очередное занятие университета культуры.

— А в «Шушском», когда я там работал, помню: звали два картины в месяц — грустно сказал Иван Баранов. — Объявления висели по 3—4 дня: ждите кинопередвижку. Собирались и ждали, а в половине рассходились, так и не дождавшись. Но главное, конечно, не в этом. Можете считать меня летуном: являл, не захотел бороться с трудностями. Можете заклеймить меня позором, но только напишите правду. Все, как было.

— А в «Шушском» когда я стал пленником фотографии и сел, полагаясь подобрать на ладони.

— Вот здесь мы все. Вещь наш язык. Сорок шест механизаторов сфотографировались на прошлоне со своим директором. Потом они уложили парадные костюмы в чемоданы и надели комбинезоны. Вернулись курды ступили на посевную. Время получить конионис. Наступило время отдавать.

— С началу уборочной из двух наших групп осталась только вторая группа. У Крайнего нас, восточной ее приехала группа с Украины — тридцать человек. Тоже мало кто остался.

Баранов через сто прогявлял любительские снимки.

ло обществу... Оно насозва продалулось ветром, так что даже на улице казалась телевизору.

— Потом поселили нас в которме при отделении. Лерт, Степан а онах нет. Холод. Но мы не много трудились: первым новоселам в палатках было совсем мало работы. Уже другое: до самой посевной мы почти ничего не делали.

Две недели ребята сидели в которме, на корточках у стены. Основная стойка механизаторов была в которме на отделении. Тракторы из ремонта выходили в таком состоянии, что не могли тянуть самих себя, не говоря уже о прицепных орудиях. Так в «Шушском» готовились к посевной.

О первой своей посевной Леия Баранов сложно вспоминать не может. Через каждые три часа приходилось останавливать трактор и менять масло, по несколько раз в день ломались детали, и ремонтировать их возили на центральную мастерскую механизаторов. Тракторы комсомольские, и за текущий ремонт, за вынужденные простои механизаторам не платили. Потому и получили тракторист Иван Гордиенко после посевной пять копеек.

Обычно в совхозе самый ответственный момент перед посевной — выход из ремонта тракторов и прицепного инвентаря. Машины принимает специальная комиссия. Работа каждого двигателя тщательно прослушивается, проверяется ходовая часть и система питания. А в «Шушском» затянута сроки ремонта техники, потому и принимали тракторы наспех. Потому и начались потом мучения молодых механизаторов. Потому и принимали они основную стойку возле городских ствн.

И никогда не встречался с Иваном Гордиенко. И мне было очень радостно с ним, когда он опустил в карман пять копеек, что ковалел ему союзоз за посевную. И тех теплых слов, что сказал он на прошлоне руководству союзоза, я тоже не слышал. Но я почти уверен, что если не я, а кто-то другой механизатор, увидевшему союзоз при аналогичных обстоятельствах, руководствоз бросало вслед стереотипную фразу:

— А ведь мы все с оркестром встречали! И не быть бы, механизаторам запомнили о романтике. О палатках и фанфарах, о смехах и жере, цветах и фанфарах. И если уходящие возржали, что палатки и фанфары были не для того, чтобы в союзозе работать несколько лет, то так поставили производство, чтобы Иван Гордиенко заработал за посевную пять копеек, их, может быть, называли демагогами и рвачами.

линых летунов. Рассказал, как однажды утром застал отсутствующую которму, куда послал механизаторов.

— Все выиничие утекли, понимаешь. Собрались рано утречком и отправились пешком. Уж эти мне летуны!

— А может, не утекли бы, если б постарались удержат!

— А что их держат? Другим приедут. Их здесь перебьют видико-невидимо.

— Так вот и живете!

— Так и живем.

И управляющий стал вспоминать, как девять лет назад здесь жили в палатках, как не жаловались на трудность, а скорей, искали их. Управляющий никак забыл, что живет на бывшей целиночке, что нет никакого смысла селиться в палатках, если есть возможность жить в хороших домах. Он клеивший позором белгцов и горворил красивые слова о силе коллектива, о страдной поре и о радости от зари до зари. Слова чистые и убедившие. Может, потому, что на фоне десятилетнего позора целинного комсомола комбинации управляющего с домом и машиной выглядела не очень симпатично.

— Есть летуны по призыванию. В поисках легкого заработка они очуточ из союзоза в союзоз, регистрируясь в трудовой книжке вместе своих кратковременных ствомов. Такие не требуют ни хороших фильмов после работы, ни хорошей квартиры, ни лекции о собициях в стране, а за рубежом. Жизнь интереснее и исключительно с одной стороны: сколько и где можно заработать. Психология не такая и проворенная.

С теми, кто решил всегда жить на целине, труднее. Они требуют уважения к себе, и своему труду. Этого, к сожалению, до сих пор не могут понять ни управляющие, ни хорошие работники, ни председатели рабочего комитета совхоза «Шушский» И. И. Селиванов. Именно потому оттуда уезжают механизаторы.

Люди, которым доверили воспитание молодежи, беззащитную и почти профессионально эксплуатируют романтику.

— Он сидел передо мной и привычно бубнил: — А мы-то спали в палатках, и по утрам волосы к подушке прирзали. Мы-то были романтиками...

Может быть, девять лет назад только председатели рабочего комитета Селиванова действительно прирзали к подушке. Но зачем же брать этот фант и возмущаться и бранить им, перед каждым, кто опоздал к началу целины? Зачем

во мнении о трудностях для других и создавать их искусственно?

Романтика очень выносила. И если понадобится, подгни перепахает целины. Будет повторить. Сейчас нужно думать о зарплате рабочих. Оказавшись в романтиках. А сделать это можно, лишь создав нормальные условия для работы и отгнав людей, здесь живущих.

...Из союза в тот день собрался уезжать Николай Шугин и Алексей Малахов. Мы зашли с Селивановым в общестке.

Механизаторы сидели на кроватях. У стола перед окошком зеркала, чудовищно валил парижаночку. А оставшихся опронуили на Селиванова серию привычных вопросов: — Почему в общестки не привалили? — Почему никто не придет прочитать хоть какую-нибудь лекцию? — Почему нет красного уголка? — Открытие холм хотя бы в воскресенье!

Селиванов горестно моргал. Ребята поглажили бороды, ласково глядели на парижанера и боялись пропустить свою очередь.

— Баранов нашел «саой» союз. Он очень мне рассказывал, как хорошо в этом союзе механизаторы работают, как тянутся к культуре.

... Я слушал его и думал, что высокая культура может быть везде, если создать для нее «залежку» полюсов. А залежка полюсов — это в первую очередь культура производства.

Целина — родина многих поэтов. Значительный одного из них — Виктор Дубинин.

— Почему, — сказал он, — трактор должен работать только тот срок, который определяли ему владельцы миниверны? Нельзя ли этот срок удвоить, утроить?

Виктор Дубинин обратился к механизаторам края с призывом: «Трактор — трактор! И когда мне сказали, что к союзе имени Карла Маркса ходят по полям неравно с остальными тракторами № 1, полученный хозяйством еще в 1954 году, когда сказали, что рынки управления этим трактором, доверять только лучшим механизаторам, и понял, что здесь высоко ценят культуру производства, бережно хранят целинные традиции.

Так одно вытесняет из другого. Создается непрерывная и яркая цепь. Если во время посева-период развернуть районную газету и встретится в колонки цифр, эту цепь легко обнаружить. Это соуса первая по качеству свая или еспапка яиц — значит, здесь четко налажено производство и продукция расставлена по местам. Значит, здесь умеют ценить людей, специалистов, энтузиастов — главное богатство целины.

Диктор читал по радио материалы ноябрьского Пленума Центрального Комитета КПСС. Эти передачи я слушал в дороге: мне надо было попасть в союз «Юктовбинский», к автору второго письма — Ивану Павлову Габу. Письмо это поразительно перекликалось с тем, о чем говорил по радио диктор. Разница была лишь в масштабах. «Я пробаюл подсчитать, сколько червот червот союзов, выписывая комбайнеров в Кубань и шиферы из Грузии. Сколько денег ежегодно расходуют на подготовку механизаторов и сколько на этом теряется, так как механизаторы, как правило, больше как на один сезон в нашем союзе» — задеривалось писал Габ.

«Следует, однако, тщательно изучить причины текучести... От нее народное хозяйство ежегодно тервет продукцию на сумму около трех миллиардов рублей», — читал Виктор строки из доклада на Пленуме секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева.

В отделе кадров Краснодарского областного управ-

вления производства и заготовок сельхозсоюзных продуктов меня познакомили со следующими цифрами: в прошлом году в область пришло 213 механизаторов, выбрав в области 857 уважаемых причин за тот же 1962 год 1142 человека. Значит, более тысячи специалистов потеряно за год, тогда как на курсах внутри области подготовлено всего 859 механизаторов. Если перевести эту арифметику в плоскость человеческой души, то получится, что более тысячи потенциальных романтиков стали потенциальными летучими. И это лишь в одной Кубаньской области.

И еще пример. В Карачаевском производственном управлении из выделенных на капитальное строительство в союзах 3192 тысячи рублей, 11 июля было освоено всего 360,8 тысячи. Союз «Юктовбинский», в частности, из 155 тысяч рублей выполнил план только на 51,2 тысячи.

Связаны ли между собой первая и вторая группы цифр: текучесть механизаторских кадров и плохое выполнение плана по строительству в союзах жилых домов, школ, клубов?

Автор второго письма в редакцию, Иван Павлов Габ, по-моему, очень точно разобрался во взаимосвязи этих цифр.

понят: здесь его дом. В союзе поступают как раз наоборот: в прошлом году, когда в «Юктовбинский» приехали командированные с Кубани, им дали комбайны, на которых готовились убирать урожай постоянные рабочие — выпускники мехуниверсит. Выпускники остались только рапортуют после уборки разбитые машины.

Об этом с грустью и тревогой размышляет рабочий союза Габ. Почему же не думают об этом руководители? Ведь в союзах по-прежнему не хватает механизаторов — и комбайнеров и трактористов. Значит, снова полетят из союзов сигналы «СОС!» за тысячу километров.

Мы идем по вечернему поселку к реке мимо недостроенного дома. — Видите, стоит. План по строительству и наполовину не выполнен, а бригада строителей разбежалась. Я, знаете, о чем думаю? То что денги на ветер бросаем — это беда, но может быть. Не сумели мы удержать их — вот они и сбегали. Еще где-нибудь ослудят — и снова сбегут. Так и привыкнут кочевать. А от этого вреда и им самим и делу. И союз, выходя, помогает им мотаться из стороны в сторону. Ведь у молодых машинно здесь формируются характер...

Иван Павлов — комбайнер союза «Юктовбинский». Его портрет не сходит с доски почета. Иван Павлов — общестный охтинспектор, охраняет природу. Иван Павлов — член школьного родительского комитета. Он пишет письма в Облкомстат, требует построить в поселке новую школу. Облкомстат присылает великий отказ: «Выделение средств в 1963 году не представляется возможным». И тогда Иван Павлов подсчитывает, сколько средств было затрачено на приезжих механизаторов.

Я тоже побывал в бухгалтерии и тоже рылся в бумагах с цифрами.

В прошлом году убрали союзный хлеб 58 тысячом улички механизации из Кубаньской области. Оплатили им провоз туда и обратно — 890 рублей. 10 комбайнеров, командированных из Краснодарского края, — 1292 рубля. Три шифера из Грузии обшлись в 270 рублей, хотя на целине надо встретить человека, не умеющего водить машину. 32 жителя Карачаева и Ахтобиндские помогли союзу во время уборки — 1036 рублей.

Коточки на счетах бухгалтера бестрастно продолжают регистрировать союзные убытки.

— Вы думаете, на эти деньги нельзя было построить клуб для молодежи или школу? — горячо говорил Иван Павлов. — Можно. Я спрашивал у специалистов. И клуб, и школу, и город спортивной библиотеки. А мы оплачиваем провоз туда-сюда конующих «веревгов». Молодые механизаторы не держатся, потому что на любой вопрос здесь один ответ: «Не нравится — бери расчеты. Для Вот и получается: приехали 54, остались 9. Для Вот и получается: вечернюю школу не откроют, а Леше Гиндашу в школу нужно, в девятый класс...

У комбайнера Габа очень много вопросов к руководителю союза «Юктовбинский». Каждый год сюда приезжают из улички 50—60 механизаторов. За каждого выпускника союза переписывается вечернюю школу не откроют, а Леше Гиндашу в школу нужно, в девятый класс...

Здесь можно снова пристать к арифметике и заняться подсчетом. Ведь встречают механизаторов точно так же, как встретили в «Юктовбинский» район и его окрестности. Союз, выбрасывая, в конечном счете, на ветер большие денги, не может управлять производством так, чтобы каждый инициативный человек работал в полную силу, чтобы он почувствовал себя действительно нужным, чтобы

Правильно думает Иван Габ. И плохо, что это мало заботит руководителей целинных союзов. С них ведь за это не спрашивают. О них хозяйственники и считается, что факт морального износа человеческих душ находится за пределами их компетенции. А почему? Кто и когда разделял единый труд человека человеческого труда на две части: материальную — сферу действия хозяйственника и моральную — сферу действия общественности!

Никто такого разделения не делал. «Труд не только создает всех благ, но и решающее средство совершенствования человека — так было сказано на Пленуме. И если хозяйственник разбазаривает самое ценное наше богатство — человека, то и квалификация это нужно соответствующим образом — как преступление... Иван Павлов оттолкнул надуманную лодку, и лодка бесшумно растворилась в сумерках. Он обжевал камешки, а в сидел на берегу и слушал комарное пение.

Дни, проведенные в союзе «Юктовбинский», были предельно заняты цифрами. Это были не те цифры, которые радуют. Но все ведь со мной был Иван Павлов Габ, этот беспокойный человек, рядовой гражданин нашего общества, горячо принимающий и сердцу все, что происходит вокруг. И я думаю, что человек все-таки сильнее цифр, какими бы удручающими они ни были.

Когда возвращаешься из союзов, подобного «Шукумово» или «Юктовбинскому», думавш о многом.

Люди тянутся к горизонту первую борозду, чтобы страна получила миллионы пудов дешевого хлеба. Чтобы в недавней мертвой степи зазвучали песни. И чтобы поднялись здесь голубые города, где жили в них вечно.

Будущее целины надо строить на прочной основе. Школа механизаторы в союзах имени Карла Маркса, где механизаторы интересуются историей Пленума, — это шаг вперед. Значит, потому, что в союзах этом накрепко спаяны званья цели: производство — человек — его духовный рост. Я думаю, что школа это — спешащая ступень последней школы передового опыта, школы энтузиастов.

Постой! А почему, что организует производство — это значит не только получить максимум продукции, но и воспитать людей, хозяев земли, крепкую спину строителям первых палаточных городков.

Н. ЛИМОНОВ

Кавказская ССР.

Б. ЛАПИН

Рисунки А. НИКОЛАЕВОЙ

Дневник

РАССКАЗ

Зойка аккуратно надписала обычную тоненькую тетрадь в клетку и раскрасила ее, задумавшись над чистой первой страницей. Как обычно, когда приходилось думать, решая задачу или составляя план сочинения. Зойка закусила кончик косички. Теперь мысли сосредоточились на главном.

Все-таки хорошо лето! Никаких домашних заданий, никаких тебе заботушек. Вольная птица. И даже если приходится думать, то на вольную тему. Например, несколько откровенной можно быть в дневнике. Если писать совсем все — односно. Вдруг прочтут... Если не все, — невнятно. Значит, надо писать почти все...

21 июля

Я давно мечтала вести дневник. Это была мечта всей моей сознательной жизни. И наконец теперь, на пороге десятого класса, она осуществляется.

Вчера в моей жизни произошло очень важное событие. Поздно вечером я возвращалась домой с танцев, шла босиком, потому что болышущие мозоли натирали, и потеряла одну босоножку. Странным образом все-таки пали подарок. Газовалась. Потом встретила К. Земля была колючая, и он немалюно нас levou на руках. К. очень хороший. Я к нему очень хорошо отношусь. Очень, очень!

У Зойки не было своего стола. Все ее учебники и тетрадки лежали на папиной тумбочке, а тумбочка была забита разной дрянью: охотничьи и рыбачьи принадлежности. Папа так трясся над ними, что запретил всем, даже тебе, открывать тумбочку. Зойка подумала, куда бы спрятать дневник, чтобы кто-нибудь не прочитал. От папы спрятать нетрудно, он, кроме газет и

своей охоты, ничем не интересуется. Тетка имеет обыкновение во время уборки совать свой нос в ее тетради, но, допустим, под шифр она не полезла бы. Зато Витька... От этого сорванца ничего не спрячешь. На день рождения ей подарили думи, так он их даже в радиоприемнике нашел. Пришлось поблагодарить мамину братику давать велосипед, иначе бы на весь мир развозили, что Зойка — невеста и что Зойке кавалеры дарят духи. А еще пионер!

Перезадумав, Зойка спрятала дневник в стопку старых тетрадей за девятый класс. Все-таки так безопаснее в смысле Витьки. Не вызовет подозрений...

22 июля

Я еще не очень хорошо понимаю, о чем надо писать в дневнике. Наверное, о событиях. А как же у тебя события, когда каждую субботу, как робот, не зная ни минуты отдыха! Вся домашняя работа на мне. Так и не заметши, как пройдут каникулы. Хорошо Витька, он ничего не делает. К. сегодня не видела.

24 июля

Вчера дневник не писала: ездили за город. Папа взял день рыбачий как угорельч, а поймал всего одну широлобубу ростом со шпрота. Она была такая некрашенная, что ее даже кошка не стала есть. Я сильно загорела. Наверное, опять

вся кожа слезет. Это уже третья кожа в нынешнем году.

Сегодня снова начала читать «Анну Каренину». Весь день не сходила с дивана. В детстве она мне не нравилась, потому что я еще ничего не понимала в жизни. Оказывается, такая прелесть! Очень люблю Анну и Левина. К. эти дни не видела.

— Я тебе сто раз говорила, что у себя на тумбочке я вытираю пыль сама! Вытирай каждое утро и прошу тебя не беспокоиться. Сто раз говорила...

Тетку удивило такое поведение Зойки. Что это с девочкой случилось? Весь день валялась на диване, ничего не слышала, все читала, читала. А тут соскочила как ужаленная, раскричалась, книга полетела на пол...

— Ты бы хоть причислась, Зоенька. Да пошла бы погуляла. Вечером какой!

— Пожалуйста, не учи меня. Я уже не ребенок.

27 июля

Скука страшная. Нет ничего хуже каникул, когда сидишь в гордом и все наши развлекались. Сходила бы на танцы, да ведь не в тапочках же идти. Вот если бы босоножки были! Просить папу неудобно. Он опять собрался ружье покупать. А зачем человеку третье ружье, если у него сердце?

Ура, ура! Новые события. Сегодня выпросила у тетки ее модные туфли, пошла на танцы. Сказали модницам, что подождите. Его зовут Володя, и он действительно. Очень веселливый и унылый. Мы до самой ночи гуляли по набережной, и он держал меня под руку. Очень интересно рассматривал прозоры в оформлении и про зантики. Когда пришла домой, тетка подоспела ко мне такая испуганная! Спрашивает: «Ну, потеряла? Я ничего не поняла. «Что потеряла? «Да туфлю! Вот странные люди! Кто я, каждый раз буду терять, что ли?»

Оказывает, К. эту неделю работает в вечернюю смену, а днем спит. Потому его и не видно.

— Зойка, если не дашь велосипед, хуже будет! — заявил Витка.

— Определено не дам.
— Ну и покажешь.
— Ну и не покажешь. Пошел он, видный, человек шест!

«Иди хочешь», — сказала Витка равнодушно. — Я одел твою тетрадку нашел, так я ее тебе не отдам.

Зойка похолодела.

— Какую тетрадку?

— Любую обыкновенную. С синей корочкой.

— По какому предмету?

— А дашь велосипед?

— Сейчас же отдай тетрадку! И никакие велосипеды! А придет тетка, еще и заработаешь!

— Ой! — выкрикнул Витка и ушелся.

Зойка выглянула во двор. Витка стоял под окном и махал тетрадкой. Кажется, ты сама... — Ладно! — крикнула Зойка — Беру, катись.

Поско он подымался по лестнице, она подбежала к тумбочке. Дневник лежал на месте. Вот велосипед, не догадалась сразу превратить! Витка принес никому не нужную стурю тетрадь по алгебре. Но велосипед пришлось дать.

Все-таки тяжелое это дело — вести дневник!

30 июля

Вечером гуляли по набережной с Володей. И надо же случиться: встретился нам К! Наудался и сделал вид, что не заметил. Хорошо еще, что мы не под руку шли. Неужели обидится! Хорошо от той хорошей, и я к нему очень-очень верю по отношению.

31 июля

Кажется, скоро я перестану узнавать К. Дунада, он серьезный, а он, оказывается, совсем мальчишка и к тому же хулиган. А еще в бригаде, которая борется за коммунистический труд.

Сегодня только встала с постели, мелькнул какой-то ослепительный свет. Я подумала, уж не пожар ли, испуганно спросила. А потом решила, что это зайчики от машины, которые мимо проезжают. Только свет остановился на мне и не уходил.

И пока я одевалась и причешивалась, все следом шла иней. Одевалась я, подоспела к окну и акнула: у себя на подоконнике сидит К. с большим зеркалом и наводит на меня зайчика. Так он меня и просветил все. Сидит себе, улыбается. Это он мне за колоду задает, не иначе. Равно — капиталистический пережиток, а он еще в коммунистической бригаде. Я считаю, это совсем даже несовместимо. Ну и отомщу же я ему!

— Витка, хочешь покатайся?
— Спрашиваешь!
— Нет, я серьезно. Только с условием.

— Ну?

— Мне нужно твою рогатку.

— Рогатку? Зачем?

— Надо.

— Врешь, я знаю, отдашь пале...

— Честное слово, нет! Давай обещание: ты мне рогатку на пять дней, а я тебе велосипед в полное распоряжение. По рукам?

— По рукам! А камины надо?

— Ну, камины я и без тебя беру...

1 августа

Все приготовлено с вечера. Окно приоткрыто, камины похлопаны на подоконник, рогатку — под подушку. А проснулась — К. нет. Прождала до десяти и плюнула. Может, за ум взялся. Вчера папа

приехал с охоты едва живой, и мы отпавили его валерьянкой. Ну хорошо, охотюсь себе, коли есть охота, но ведь тут без четвертинки никак не обходится. Ох, агонит меня в гроб эта охота!

Зойка хотела взять дневник и, пока дома не было Витки, записать новые впечатления, но с ужасом обнаруживая, что дневника среди тетрадей нет. Вспомнила, что перевернула журнал днем и ничего не нашла. Ночью ей снится страшный сон. Будто она заходит в класс, а Светлана Горбанева, первая сплетница, стоя на столе и корча рожи, вслух читает ее дневник. И после каждой записи весь класс поворачивается со смеху. Она бросилась на Светланку с кулаками, но это была уже не Светлана, а «инюмка» Маринана Матвеевна. Очень неприятный сон...

4 августа

Слава богу, все обошлось благополучно. Он завалился за тумбочку вместе с другим тетрадником. А я так переживала, так переживала! Дело было так.

Я расстелила с дневником и совсем забыла про кровать. Проснувшись, стала искать, а тут опять этот сон. Я давай метаться по комнате, искать рогатку, камины. Кош-как нашла. И она была даже испугана, она все светила, светила... Открыла окно, заглянула на подоконник, прищелкала пальцы в зарекаю до как камины! А попала в чашку чужого окна. Стекло вдребезги, какая-то стурю давай рогатку на весь двор! Его как ветром сдуло с подоконника. И я тоже спрыгала. Только когда все утихло, и я испуганно это просветила в одной рубашке. Вот стыд! Ладно хоть, что никто не видел. А К. все-таки дурак. Как только его в такую бригаду допустили! Хоть он меня и доимает, а все равно к нему очень хорошо отношусь.

5 августа

Перечитала я свой дневник, и даже стыдно стало. Если бы со стороны кто прочел, тот, пожалуй, был бы пуста девочкой. А я вовсе не такая. Наверное, потому так получается, что нет у меня никаких литературных способностей.

Тетка все-таки добралась до моих тетрадей. Она, видите ли, иней ищет в них, будто больше и негде быть ей инитам, кроме как в тетрадах. Но я нашла самое безопасное место. Буду прятать дневник в папку тумбочку, под патроны. Он туда заглядывает редко, а тетка и Витка не смеют.

6 августа

Воскресенье. Рано утром мы с Кешкой укатили на велосипедах за город. Было очень здорово! Весь день собирали цветы, купались и загорали. Боюсь, не съезла бы четвертая шкура. Володя ждал меня вечером у инею, а я не пошла. Володя — это так, бламь. Главное — Кешка.

9 августа

К. работает днем. Зато вечера у него свободны, и мы все время вместе. Как жалко, что каникулы кончаются и скоро в школу! Тогда будет не до этого: все-таки десятый класс. Инюю шую — обязательно буду работать вместе с К. Скорея бы!

10 августа

Вчера пришла домой в повторного. Папа ждал и очень беспокоился. А чего беспокоиться, когда я же не одна, а с К! Я была ужасно счастлива. Весь вечер мы сидели в парке, сама тихонько утонула и болталась около елки на свете. Ночью ему пришла в голову блажь покатайся на кечелаш. У меня так закружились голова, что я чуть не свалилась. Пришлось ему меня снять. Он спил, и дичайше, и не отпустил, а потом поцеловал. Я дружка! Кажется, я люблю К. И он меня тоже. Интересно, это не опасно — влюбляться в таком раннем и незрелом возрасте, как наш!

11 августа

Сегодня мы встретили Володю. Он шел с расфуфыренной дамой, которая повисла у него на руке, и сделал вид, будто не узнал меня. И пусть себе! Заверн субботу, едем в Смольный на охоту. Будет палатка. Папа обещал взять К. Ура, ура!

Дина ЗЛОБИНА

МАЛЬЧИКИ

Любили мальчики сирены,
Вспесю росной

Поспирт, оседлая плетень,
Мечтали мальчишки летать:
Мечты крпытали...

Но дело мальчиков — стрелять,

Метать гранаты! На перекрестках, на мостах
Шаренных гудела.

На цесепановых устах
с'ураб гремело.

Летали, душу веселя,
Хлестали пули...

Мальчишки,

Наевк уснули,
Другие мальчишки растут,
Играя силой.

Другие девчонки мдут
Настрау импим.

И все, как прежде,
и все, как вновь...

Весной повет —
Глядишь: топылан, густой, как кровь,

Цветет-алет. И, словно совести упрек,
На поле бранном.

Встант над смертью паренек —
Герой зкраю.

Он так затрел на нас глядит,
Поет задорно...

А в зале женщины сидит,
Все в черном.

— Папа, мы едем! — вбежав в комнату, спросила запыхавшаяся Зойка.

— Едем, доченька.

— И Кешка?

— Пуст и Кешка едет.

— А Витка?

— Обязательно.

— Может, не обязательно?

— Почему же? Пуст едет, учится стрелять.

— Ему только из рогати стрелять...

Отец не отвечал. Он весь ушел в свое занятие — набивку патронов. На столе были аккуратно разложены охотничьи припасы, и, насыпая в овердней патрон пороку, отец с ясным удовольствием забивал пырь.

Зойка побежала собирать. Проозванизась с полчасца на кухне, она опять второпила в комнату.

— Папа, ты обещал...

И замерла на полуосе. На столе лежала последняя страничка ее дневника со словами:

«Папа обещал взять К. Ура, ура!»

— Ты что замолчала?

— Папа! — почти плача, прошептала Зойка.

Папа, зачем ты взял!

— Извини, доченька. Ничего больше не нашлось. Взялась в тумбочку, вот я и...

— Ты еще... читал?

— А что, читал? Известное дело — заданки да сочинения. Или что-то нужно было? — вынужденно глянул отец на испуганную Зойку.

— Не читал? Честное слово, не читал!

— Ну, конечно.

— Честное слово!

— Самое честное. Я тебя не понимаю, Зонька! В чем дело? Нужная тетрадка была, что ли?

— Нет! Совсем ненужная, — с обещанием выстрелила Зойка и, торопливо ставив последнюю страничку, начала старательно изготавливать из нее пырь.

Простуки.

орвал автобиографии Ганжа мне трогая, обаявая, как и те, что будут написаны потом — за плечами всего-то шестнадцать лет. Что о них рассказывать? В шесть — двадцать размышлений, строн улетелас, все жизни: детский сад, первый класс, пионерский, общественная нагрузка, премия за шахматный турнир (писать ли о нем?), и, по-прежнему, самая праздничная строка: «Принят в ряды Ленинского комсомола... что приходит в этой строке? Принят. Значит, родители оправдали доверие. А где же твой жизни. Все, о чем стоит написать, написано, а листок столбовую чист. Обидно чист. В шестнадцать лет несамостоятельность и незнакомые пути воспринимались как наказание.

Ох, как хочется, чтобы в послужном списке твои жизни уже стояли и Гаховая, и Комсомольск, и Красный!

Мне рассказывали об одном ленинградском парнишке, выгнине репрессивного училища. Поступая на занятия, он написал своей автобиографии: «В 1912 году сослан царем на каторгу. В 1920-м был. Перелом в 1933-м строил Ленинград. В 1942-м отстоял Ленинград». Задача его в отделе кадров, «что все правды, ответы парням... Это и есть моя главная биография. Я же на виномод, что родится после».

И он был прав. Парня, ощущая свою непосредственную причастность к великой истории, кажется и равная свою жизнь шагами революции. Я не думаю, что это и есть гордость автобиографии, когда смотришь фильм «Русское чудо».

Русское чудо просмотрели миллионы советских людей. Такого интереса к истории, пожалуй, не знала история документального кино. Миллионы зрителей. Нет, не зрители, а зрители, о которых повествуют фильмы, история прожитая историческими событиями, история строительства социализма представляла перед глазами советского человека как его личную биографию, его судьбу. И сидел пенсионер и молчал рабочий, и вставая вставали стану, чувствуют себя ровесниками Октябрь. Они единственно гордятся тем, что сделали за годы Советской власти. Они чувствуют по праву эту ответственность за то, что предстоит русскому чуду, дню о себе.

В этом историческом полотно не удалось убедительно раскрыть единство истории советского народа. На эту удачу фильма обратил особое внимание Андрей Тюрин. Сергеев Хрущев, поздравляя Аннели и Андря Тюрин, как и заслуженный наградами Секрет успеха прост (хотя Хрущев

на-документалистам предостро поучиться. Тюринский этот магический простоте): обратившись и величии правде исторических фактов, авторы фильма не могли не выдвинуть яркими, густыми мазками то, что составляет самую суть жизни нашего общества, — единение делов, отцов, и влюблен, но глубокою верность коммунистическим идеалам.

Заस्ताфа поновени отчитыво видится в фильме как ставшая задуманных и свершенных дел, эстафета деятельной воли. Мыслители. Мы видим их на Трагической площади Моим предателем, на шашината величия, мечтательные головы, танк мечтатель, так как он стал зоизмом своего труда.

Детские русское чудо — это прежде всего летопись героического труда. И труд охватывается в детском энциклопедическом подходе страны. Нищад, голыдрная Россия из руин и пепла поднимается пороковой, индустриальной державой.

Весь пародс фильма направлен на доказательство одной непрелюдной мысли: русское чудо — чудо немыслимое, закономерное. Закономерность чуда — вот ли внутреннею пропорцией в этом советском понятии? Ведь чудо — это нечто необыкновенное...

Одухотворенный фильм Тюринской каждым своим кадром доказывает: русское чудо не могло не быть. Оно — о больших и маленьких чудесах, современных советскими людьми. Мы привели и вот, и многие героические кадры нашего простого будничного. Но ни на экране мы видим ситуацию как бы со стороны хроникера. Мы видим, как росли и мучили наша страна, наш народ, как зрела и крепла ороллающая его вечный иный род самозателый героизм. Недвижимая бригада коммунистического труда — вот тут исторический процесс, который делает закономерным русское чудо. Понимание этого процесса и следовательно конечный успех предпринятого Аннели и Андря Тюрин, авторы фильма не могли бы расщепить и простым сопоставлением того, что было и чем стала Россия. И такое сопоставление является основой, на которой присутствует в фильме. Но восприятие, которое побуждает подлинно верить, бытует бы меньшим, если бы авторы не сумели показать зрителю, какие силы и ресурсы не сделаны бы зрителям свидетелем неслыханного явления коммунистического мироздания.

Во вдохновенном фильме Тюринской почти невозможно выдвинуть какого-то отягачивающего выразит

тельные места. И все же, мысленно перебрался кадр за кадром, невольно останавливаешься на тех, где замер и сам инноватор, — на кадры, на первый взгляд лишены динамики и экспрессии. Обыкновенные фотографии обыкновенных людей. На их лицах и их фамилии, не говорят об их делах. Мы можем лишь догадываться об их профессии. Оттого же мы не можем оторвать взгляда от этих лиц! «В русском чуде» Тюринским удалось передать то, что, казалось бы, не поддается передаче средствами сущего, грубо документального кино, — напряженную работу человеческой мысли. Верные поставленной перед собой задаче — показать революцию как перелом в сознании людей, — авторы фильма сумели найти на редкость ясный, разительный способ изображения этого перелома, показывают нам простого рабочего, мушкетера, солдата в момент, когда они заняты государственными мыслями.

В приобщении и руководстве государством миллионы простых людей видел Ленин великую задачу нового, социального общества. И в этот процесс коллективного государственного творчества четко отобразил в фильме. Вглядывая в лица людей, слушающих Владимира Ильича, эти болельщики, которые поразят воображение людей, — это они, эти люди. Они только начинаются. Но чудо уже идет в глоток. Ведь все, что произойдет в последующие годы, уже заложено, уже запланировано, животворные идеи коммунизма уже овладели массами. Вот где истоки чуда, его закономерности.

Фильм о русском чуде, о великом подвиге советского народа стал фильмом о торжестве марксистско-ленинских идей, марксистско-ленинских Тюринской, в том числе и судябам, где от крупных исторических событий, от критических моментов, вперед в одном советском строю. Это не только человек, о становлении нового человеческого отношения имеют счастливый критический успех и торжественный успех, но и дело пытаются обратиться к буржуазные героисации. Не смел они читать призывающие к победо первой социалистической державы. Они читали призывающие к победо, чрезмерных страданий, затянутах, страданиях и мучениях. Но, что же, на роли России вышло не только му. И об этом рассказано в фильме. И страдания, и мучения, и борьба на ороллавленных штыках интервентов, на страданиях и мучениях об-

речь наш народ фашистские полчища. Но, выступая в битве с врагами, советские народ вновь принимался за мирное строительство, и нам бы не было вынуждено его труды, он исполнен высшей радости созидания. Фильм доказывает: Советский Союз может гордиться своими фабриками и заводами, своим невиданным экономическим подъемом, своим триумфом в космосе, но прежде всего он может гордиться колоссальным наплывом людской счастья. Есть вывод, от которого не уйти никому, даже самому предвзятому зрителю фильма: советский народ стал самым счастливым народом на свете.

И это лучшая агитация за коммунизм. Фильм Тюринской обращен к тем, от кого все еще скрыта правда о Советской стране. Они ведут умный, доверительный и бесстрашный но ясный фальши разговор со своими не очень сведущими соседями. Они объясняют им закономерность русского чуда. Как правильно, это собеседники слышат о русском чуде. Но он во сто крат больше слышали о другом чуде, о том, что «произошло на Рейне. И они знают, что это происходит чудо на Рейне, это искусство коммунизма. Фум в ФРГ, не имеет ничего общего с чудом, а ум счастья и подвиги никак не принесет. А что же такое русское чудо? Такое экономическое чудо? Как так живут люди?

Вот на этот вопрос и отвечают своим документальным фильмом Аннели и Андря Тюринской. Вот так жили в России раньше, совсем все недавно, при царь. И так живут сегодня, строй коммунизма. Вот с чего начала и чего добилась. Вот что можно сделать под знаменем марксистско-ленинским! Теперь вы понимаете, что неслет люди коммунизма?

«Русское чудо», несомненно, многим поможет выбрать правильный путь, во многих сердцах зажмет веру в торжество коммунизма.

Аннели и Андря Тюринской сняли фильм для зрителя, которому не так много известно о прошлой и грядущей России. Колоссальное возмущение «русского чуда» у такого зрителя совершенно закономерно. Но не надо забывать, что неслет успех фильма в нашей стране? Ведь все, о чем советскому зрителю, хорошо знающему историю, известно, хорошо знакомому, что, сконцентрировав в трехчасовом фильме три года документальных кадров разных лет, они создали по существу сильную новеллу, годовой разный эпохи, а только выходящие о произведении большого революционного характера. Это сила, которую Н. С. Хрущев, — доходит до глоточных, глоточных, глоточных, рождает в нем высшие гражданские чувства, желание посвятить себя великому делу, патристическому делу, борьбе за счастье человечества, великому долгу отности и творчеству страны. Андрей Тюринской одержимую вероюнюю благодарнейшей миссией «Кто не вспомнит тут некоторых «ветеранов», пытавшихся занести

ИСТОРИЯ

Аннели и Андрей Торндайк — создатели фильма «Русское чудо»

идейное наследие революции в раздел «прогрессивных истин», и истории, дескать, уже не должны обращаться к художнику! По их рассуждениям выходило, что парод на несовершенство с художественным мастерством, что последнее требует лишь копания в подспудных движениях души, психологических нюансов. Инноваторы истинной и инноваторскими будут стали «стесняться» называть вещи своими именами, испытывать чуть ли не панический страх перед «алюминием». Больше черта они боялись, как бы их не назвали «элитаристами». Понятно, что такие настроения были решительно осуждены на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС.

Традиционный успех «Русского чуда» убедительно показывает, какие высоты художественного мастерства можно взлететь, вооружив свой талант страстной идейностью. «Русское чудо» далеко не исчерпана. Она ищет новых художников.

Страстный тон документальной киноленты Торндайков особенно близок советской молодежи. Это та страстная революционная видения мира, которая всегда присуща молодой пополенности. Советские юноши и девушки воспринимают прошлое страны социализма как собственную биографию, как предвостроение своей жизни. И они хотят жить ее как можно лучше. Ведь им держать равнение на отца.

Хороших книг и фильмов, воспитывающих воспринять в духе революционных традиций, до обидного мало. С этой задачей пока еще не вполне справляются и многие школьные учебники. Им часто не хватает той страстности и взаимности обращения, который так трогает сердце в

«Русском чуде». А между тем можно смело утверждать, что ничто не мешает столь чудотворно на формирование юного характера, как рассказы о героической юности отцов.

Мы по праву считаем нашу Родину страной новаторов. Нигде новое не прокладывает себе дорогу столь стремительно. Может быть, поэтому у нас не везде подчас придают должное значение урелигиозно традиций. Традиции, мол, это от старое. А ведь за 40 лет великого похода в коммунизм столько возникло великодушных революционных, социалистических традиций! О них и рассказано в «Русском чуде».

Важнейшее место в идеологической работе комсомола должно занять воспитание на славных революционных традициях Коммунистической партии, рабочего класса и трудящихся крестьянства — указывается в Постановлении III Пленума ЦК ВЛКСМ. Комсомольские организации должны систематически проводить встречи молодежи с ветеранами труда. Юная смена может многому научиться на примерах жизни и работы своих старших товарищей — передовиков производства, неизменно выверяющих свой жизненный путь по законам рабочей партии, чести, доблести, рога.

Особенно живая интерес и «Русскому чуду» советской молодежи вызывает тем, что в фильме молодость слышит обращение и себе: «Вот чудо, совершенное твоими предшественниками. Гордись им, беряги его, продолжай его!»

Чудо продолжается. И впереди у нас много чудес. И это закономерно!

ГОВОРЯТ ЗРИТЕЛИ

«Такой фильм, как «Русское чудо», лучше всяких учебников дает понять, что такое Советская власть».

АРТЕМОВ, инженер, АРТЕМОВА, врач

«В картине я увидела свое детство и раннюю юность в царское время и себя в годы Советской власти. Да, вы сумели передать наш энтузиазм, нашу веру в коммунизм».

ЛЕБЕДЕВА, участница гражданской войны

«Фильм имеет огромный познавательный интерес. Большое воспитательное значение. Вызывает гордость за все сделанное предшущими поколениями».

ГАВРИЛОВА, студентка

«От сохи и лупины до космического корабля и мирного атома — менее чем за 50 лет! Об этом русское чудо в фильме рассказано с исключительной правдивостью».

КОРЗУН, военнослужащий

«Потрясающий фильм! Его авторы — замечательные художники и историки. На документальном материале они создали эпическое произведение — огромное по содержанию и глубине проникновения в нашу советскую жизнь. Большое им спасибо за это!»

ПОПОВКИН, слесарь

Виктор ЛЕВАШОВ

Почти ежедневно попадаются нам газетные строчки:

«Всего двадцать пять лет Петру Иванову, а он уже главный инженер Бригады строительной бригады»

«Двадцать восемь лет Ивану Петрову, а он уже возглавляет крупный цехинный завод»

«В тридцать лет—главный инженер»

«В тридцать пять лет—начальник цеха»

На одной из всеобщих сессий Мончегорского, небольшого заполярного городка в глубине Кольского полуострова, мне пришлось услышать, как двое молодых ребят обменивались впечатлениями по поводу одной из таких корреспонденций:

— Двадцать шесть лет, а? Задрожал

— Да, ничего не скажешь...

— Три года старше нас, а махнул вон как, не достанешь!

Почтительное восхищение было в словах ребят. Примерно такое же, с каким все мы говорили в свое время о рекордах Юрия Бласса или Валерия Брусила.

А мне припомнился строгий облик из черного камня с выбитой надписью:

Председателю губчека Мирославу Штайнбергу в первую годовщину со дня гибели, 1918 год.

И ниже:

Революционный пролетарий не оплакает память погибших товарищей, над их могилами он клянется бороться и победить.

Двадцать два года было Мирославу, когда настала его былинская путь. И вряд ли в то суровое время кому-нибудь приходило в голову умиляться молодостью человека, занимавшего самую ответственнейшую пост Председателя Чрезвычайной Комиссии.

ВОТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ я вacom по этажам и кабинетам мончегорского филиала «Госкоальстройпроект» — организации, занимающейся реконструкцией комбината «Североникель», одного из крупнейших предприятий цветной металлургии страны. Сто двадцать человек сидят над справочниками и расчетами, над планами цехов и чертежными досками. Добрая половина из этих ста двадцати — комсомольцы.

Разговаривая с молодыми инженерами, техниками.

— Работа? Нравится. Начальство, старшие товарищи! Помогают, очень добродушно.

— Разговаривая с начальством.

— Наша молодежь? Хорошая! Знающая, трудолюбивая, старательная. Словом, все благополучно.

А у меня в кармане вырезка из «Экономической газеты», из предпоследней страницы, которая обычно пестрит объявлениями:

«Требуется руководители бригад...»

«Требуется главные специалисты...»

«В Мончегорске филиалу «Госкоальстройпроект» требуются для работы по гражданскому и промышленному проектированию:

инженеры-электрики на должности руководителей бригад и главных специалистов,

инженеры по отоплению, вентиляции и теплоснабжению на должности руководителей бригад.»

А сто двадцать человек, из которых добрая половина — молодые инженеры и техники с трех-, пятилетним и более солидным стажем работы в филиале, заполняют светлые кабинеты шестом справочником, хрустом каден, короткими, деловым разговорам.

Я показываю вырезку из газеты молодым конструкторам. Пробегают глазами с хладнокровным интересом, обмениваются мнениями, точно о погоде:

— Это куда же? Ага, в технологический отдел...

— Интересно, кого подыщут...

«ТРЕБУЕТСЯ ГЛАВНЫЙ ЭЛЕКТРИК, «Требуется руководитель бригады», «Требуется главный инженер»...»

Мы привыкли и таким объявлениям, почти не замечаем их, встречая в газетах или витринах «Горсправку», и, во всяком случае, не задумываемся над тем, что они означают. А означают они много...

Требуется главный инженер — где-то вводится в строй новый завод, фабрика, начинает работать производственная организация...

Требуется главный — отзучали речи сослуживцев, провозвещающих на заслуженный отдых своего начальника...

Требуется... Ушел ли на пенсию, уволен ли за развал работы, либо по собственному желанию, или по семейным обстоятельствам бывший начальник — это не так уж важно. Важно другое: в большинстве случаев появление короткого объявления — это сказанное сухо и лаконично большому или маленькому коллективу: «Мы вынуждены пригласить специалиста со стороны, потому что никто из нас не может занять руководящую должность.»

В большинстве случаев за скучными строчками такого объявления видится большая, чем малочисленный коллектив, которому отзано в доверие...

Я разговариваю с Таней Сивяжиной, комсоргом филиала «Госкоальстройпроект». Два года назад она окончила Ленинградский институт легкой промышленности, третий год работает конструктором в бригаде по отоплению и вентиляции. Бригада небольшая — девять человек. Называю назуд несколько фамилий, спрашиваю:

— Моги бы они заняты должность бригадира?

— Пожалуй, да... не очень уверенно говорит она.

— А в других бригадах?

— У нас народ в основном опытный воедет... Молодежь? Растет! Вот, например, Виктор С. Степаново. Тридцать лет — главный конструктор!

И снова проскальзывает в ее словах знакомое восхищение.

— Чем вы объясняете появление в «Экономической газете» этого объявления?

— Как вам сказать... Это же решено не мы, начальство...

У СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КУРОТКОВА, директора филиала, лицо очень занятого человека: через полчаса совещание.

«Объявление в «Экономической газете»? Как же, давали, помню. Предложения приходят, но выбор пока не сделан... Хотите знать, почему приглашаю со стороны, почему выдвигаю своих? Да нет, выдвигаю. Вот, например, Виктор Степанов. Начал работать у нас техником, заочно окончил институт. Сейчас ему около тридцати лет — главный конструктор.

— Можно ли подобрать на должность руководителя бригады кого-нибудь из своих работников? Пожалуй, нет...

— Молодежь!.. Трудно пожаловаться: добросовестная, исполнительная, знающая... Просил ли кто-нибудь работу посложнее? Нет, не припомню... Предлагал ли кто-нибудь свою кандидатуру на должность руководителя? Нет, конечно. Это было бы, мягко говоря, несмешно... Прошу меня извинить: совещание...

Очень деловым был наш разговор с Сергеем Васильевичем Куротковым. Позиция администрации, высказанная им, была предельно ясна и четка. И глупо было бы возражать против ее стремления подыскать на ответственную должность опытного, квалифицированного работника. Но есть и другая сторона медали. Начальник, руководитель несет гражданскую ответственность не только за то, чтобы выполнялся план и документация сдавалась в срок, но и за судьбу своих молодых коллег, своих подчиненных, своих учеников. «Плох тот учитель», — говорит пословица, — которого не превзошел ученик. Это справедливо не только для художников, скульпторов и музыкантов, это справедливо для всех, в том числе для конструкторов, проектировщиков, инженеров.

ТРИ ГОДА НАЗАД, а получил письмо из Ярославля от выпускника Московского химико-технологического института имени Менделеева. Она работала в конструкторском бюро крупного предприятия.

«Стол мой у самого окна на третьем этаже. Внизу — тихая площадка: булыжник, между камнями трава. Суюют вет и глажу на них. Старая рука кончилась, другой не дают: слишком сложная, а простой нет. Тикает часы, идет зарплата. Сужу, пишу письма. Иногда злость разбрызгает: пойти бы стукнуть кулаком по столу, потребовать настоящего задания. Пять лет асе-таки корпела над ингами, одних экзаменов сдавала больше шестидесяти... Пошлишь мне, пожалуйста, посылочку, в которой как-то идти складывать. Неудобно...»

Она так и не пошла и не стукнула кулаком по столу. Недавно я встретил ее, поинтересовался: Ну, как работа?

**ТКАЗАНО
ДОВЕРИИ**

**УСТЬ УЧЕНИК
РЕВЗОЙДЕТ
ЧИТЕЛЯ**

**ОВОЛЬНО БЫТЬ
АЛЬЧИКОМ
ДЛИННЫХ ШТАНАХ**

ПЕШИ ВВЕРХ!

ВЕЩЬ...

ИСТОРИЯ ДЕВУШКИ, коллекционирующей африканские примитивы, в какой-то степени исключительная. Но она представляется мне отчетливой, закономерным завершением «стихийного» отношения к своей карьере, которое распространено среди некоторой части молодежи. Оказалось скомпromитированным и само слово.

— Но Бог с ним, со словом. Не в нем дело. Гораздо серьезнее то, что многие ребята и девушки пренебрежительно и порою даже брезгливо относятся к тому, что оно означает: — Я простой штукатур!

— Я простой конструктор!
— Я в начальники не лезу!
Не раз и не два слышали мы эти слова из уст самых разных людей. Кто это Конкетто? Или элементарное недомыслие? Де, один прачур за такими дварцалями свою несостоятельность, пеня, нежелание или неумение работать. А другие? Почему они не лезут, когда о бы за и «лезть», стремиться как можно больше, от а до а, государств, страну, обещать, которую так много вложило в их воспитание и образование?

Несколько лет назад большой шум в Англии наделала так называемая писатель Джона Уайна «Спешив вниз». Герой ее, Чарльз Лемли, молодой человек с университетским образованием, решительно отказывается от предложения стать инженером, полагая что не знает, чему он может учить школьников. Такие понятия, как «цель», «идеал», для него и для его единомышленников (последние их называют писателем Джона Уайна «молодыми») не более чем мутные слова, освещенные ложью и жажеством буржуазного общества.

Но почему же студенты встречают отголоски подобного призыва спешив вниз в некоторых произведениях нашей молодой советской литературы. Ведь в этом случае речь идет о людях, которые должны принять участие в мироздании пресловутого «авантюга», маленького человечка, а не хозяйня своей страны.

НЕ, НЕ БЛАГОПЛУЧНО

сегодня в монтегорской фирме «Госколстройпроект»
Потому что с хладнокровным интересом, а не с чувством стыда и обиды за выразком недоброй традиции глазами скромное объявление молодые инженеры и техники. Потому что с полным сознанием министерства культуры и науки заполучить человека из руководящей «облики».

Потому что никто из молодых не заявляет о своем желании «стать начальником».

Говорит возраст А кто возраст? Можно а сорок лет быть «малышечком» в длинных штанишках, но монтегорский, глазам огромном, директором.

— Что, собственно, вы хотите? За что ругаете! — можно спросить, меня.

За то, что Петри прекратилось безграмотно, а не по делу, по поводу Ивана Петрова, Петра Иванова или Виктора Степаненко. Честь и хвала им, этим ребятаем, талантливым и дерзким! Но карьера должна быть в первую очередь хорошей работой, а не умлением.

За то, чтобы не было такой вот «благословенности» в старых организациях, больших и малых, старых и молодых.

Монтегорск, Мурманская область.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КАМНЯ

Камень — материал будущего. В наше время это нетехническое, устаревшее звучит по меньшей мере выходящее. Любая шлободияudet извещивание отпор такую «каменную» будущее он называет пластмассы, но никак не камень. Да, в промышленности, в частности, в индустрии, начался «красотный поход» пластмасс. Хитрый броская вывоза выночных строительных материалов. Но именно сейчас появился лишенный конкурент в мире старина камень.

В конечном счете пути прогресса определяются не только борьбой с предрассудками, но и созданием новых материалов, учеными и инженерами не забывают и того, что испытано веками. В Лаборатории каменных групп архитекторов более совершенной и дешевой.

Почему камень дорог и как сделать его обработку более совершенной и дешевой? До сих пор для облицовки зданий применялись каменные плиты (мрамор, гранит, известняк) толщиной в 25—27 миллиметров. Для укладки таких плит нужна особая техника или армия рабочих, не говоря уже о том, что процесс крепления такой глыбы представлял серьезную проблему.

При той технике расклинивания каменных блоков, какая существовала до сих пор, не было возможности уменьшить толщину плиты. Этой проблемой занимались в Лаборатории каменья. Пришлось серьезно модернизировать конструкцию плитной рамы. Результаты этой работы дали значительные экономические эффекты: удалось уменьшить толщину в 10—12 миллиметров, иначе говоря, в два раза тоньше облицовки. Новую продукцию впервые применили при облицовке подзюжного переезда от станции «Чайный мир» до станции метро «Державская» в Москве.

Возможно ли производить каменные плиты еще более тонкими? Теоретически да, но для этого недостаточно модернизировать конструкцию плитной рамы. Необходимо создать еще один принципиально новый конструктив.

Работа в этом направлении уже ведется, она сулит преимущественно успехи с технической, но и с эстетической точки зрения. Что касается экономической стороны дела, то достаточно привести один пример. Керами-

Камень полируется ланком. Пова это лишь лабораторный опыт, но скоро он займет место под солнцем.

каменная метаксидная плитка, которая обычно применяется при облицовке, стоит от четырех до шести рублей квадратный метр, а метаксидный мрамор — всего восемьдесят копеек. Мрамор становится самым дешевым материалом!

В связи с этим возникла проблема полировки камня. При такой высокой толщине и каменья старого способа полировки с применением войлочного круга и мастики непереносимы. Нужно было найти новый способ. В лаборатории предложили решить эту проблему не только остро, но и как экономично. Показалось, дерево. Решено не полировать мрамор, как это делалось испокон веков, а «покрывать» его ланком.

На полировку каменных дел мастерам пришлось химичить: они создали такие ланки. В лаборатории мы видели облицовку и каменья, просто покрашенного ланком. Обидно, что под ланком, горюдо явно выявлял свою природу: не декоративная каменья.

В лаборатории мы имели возможность познать возможности каменья: с ланком в области чешуйчатости; с инженерной мыслью и искусством архитекторов. И все это заключено в камне.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

В разделе «Трибуна «Смены»

читайте:

ПО ЧУЖОМУ СЛОВО

нусто извинять смягчающие обстоятельства могло подвести только бы на одного члена военного трибунала. И этого, конечно, было бы достаточно.

— Так как же начинался ваш ночной разговор?

— О, очень мирно. Я бы сказал, дружелюбно... Если бы я не прочел в сматках губы юноши, в его глазах с расширенными в полугоре зрачками наверняка непременно увидел бы некое порозовение. Я не хочу сказать, иронично... И не знаю, почему. Я признал его и своим, таким, что до тех пор неизвезданно, я бы сказал, отеческое, шелестило в моем сердце. У меня не было детей. Я опять подгадал его по волосам... И тогда я почувствовал, что лоб его влажен от пота. Мелкие капли... Как немые слезы...

Я ушел почти уверенный, что на следующий день юноша все-таки изменит голову. Мне подсказывал мой собственный жизненный опыт. Вернувшись домой, я увидел жену, в за ее спиной тетушку Кали. Они издали меня в молчаливой тревоге. Я заверил их, что юноша сдается, то что требуется, и они могут спать спокойно.

Тетушка Кали упала на колени и пыталась поцеловать мне руку. Я разразительно отстранил ее. Я всегда не переношу раблеизации. Я вышел, как она, плача, бормолала что-то о юноше... Что она у матери последний из четырех сыновей. Я слышал, что она партизанка и погибла во время оккупации Румунии. Что она помнит, как он ходил босяком в школу. Тут я немного удивился, ведь я знал,

что юноша неграмотный. Но я подумал, что старуха зарывающаяся с горю, как, впрочем, был всегда, когда судили ее земляков. И тому же я и спешил позвонить полковнику Каррадиусу. Мы с ним договорились без большого труда. Наше дело оставалась иронией всю жизнь. Он был многими обман мной. Критический вопрос он сформулирует сам более неопределенно, чем я сказал юноше. На всякий случай, Я продиктовал ему почти слово в слово, заботясь о том, чтобы стгадить все острые углы. Он не спрсит: «Осуждаете вы преступлений фашистско-коммунистов?», как обычно, но просто: «Осуждаете ли вы преступления?» Как мог любой обвиненный и даже беззачинный темный коммунист ответить отрицательно? Там всегда норада у него нет языка, чтобы обвинить, какому преступлению, чьи преступления осуждает он, и запутать положение...

Изда нашими вьехала на Ленинградское шоссе. Топла московией разлилась по Бульварам. Был прохладный безоблачный вечер. Мой собеседник светила на нарою, на широкую прямую улицу. Назелю, он вслушивается в вечернюю тишину большого города. Потом, словно беседуя сам с собою, он сказал:

— Мальч, Он мог бы провести такой превосходный вечер в Москве. Для вас, я знаю, Москва не только большой иривисый город. Хотя вы реалисты, материалисты, но сдаете много себя символю. Это, я полагаю, одна из ваших главных проблем. Однако ваша фантазия... Он, конечно, выходит за пределы своей диалектики...

— Ну, и как же прошел суд?

— Постарайся быть кратким. Юноша изложил спокойно иривисно. Он унылся и приуныл. На трибунала чистая белая рубашка с открытым воротом. Поблизости тетушка Кали, которая в этот вечер была с девичьего пола камеры и стояла перед удаляющим ее из зала. Я заметил, что в ее черты его лица не отпечатало выражение неприимиримости.

— Простите меня. Как поставил председатель военного трибунала критический вопрос?

— То есть?

— Предельно так: «Обвиненный! Принимая во внимание особое состояние, в котором вы сейчас находитесь, я бы хотел, чтобы вы ответили давлению: готовы — утвердительно или отрицательно — осуждать преступления, которые имели место в период гражданской войны?»

— Он намного наклонил голову, но довольно определенно. Он согласился. Я заметил, как меня встретил мой жена, тетушка Кали. Я почувствовал, что она притраивала ко мне, что она заботилась о жизни человека. Мы с председателем удовлетворительно переглянулись. Председатель наклонился и спросил о месте с членами военного трибунала: «Какое то слово, сказанные шепотом, дошли до вас? А это разве не геронизм? Одна мысль родилась у меня как раз в ту минуту, когда вы были осуждены отрицанием фантазма?» И я наклонился, и с большим интересом отслушал его выслушал. Я был удивлен, что бы записта бы для него переносное выступление за все мое адвокатское наркору, потому что оно полностью соответствовало моему «оратору».

Тогда я унавер юношу иронично, упорно тишающую и молчаливую, вот и этому верю. Не успевать, я дал ему право. Или, вернее, он схватил его и ввисте с листом бумаги. И тотчас начал читать себя на колена крупными торжественными буками. Когда через несколько минут он поднял голову, я увидел, как великие капли пота у него лбу. Раскраснев, подумал я, героическое раскраснение. Он отдал мне бумагу, указывая пальцем на то, что набрала, словно говоря: «Протрите! Тотчас! Всух!»

В зале внезапно наступила тишина. Мертва тишина. Когда не слышно даже дыхания. Пока я поднимался с места, я быстро пробормотал: «Спасибо, и сам того не сознавая, сел снова подвлекать меня отосую. Я парировал несколько самых тяжелых в моей жизни минут... Глупость да-да, подумал, великие капли пота у него лбу. Раскраснев, подумал я, героическое раскраснение. Он отдал мне бумагу, указывая пальцем на то, что набрала, словно говоря: «Протрите! Тотчас! Всух!»

— Но что же написал юноша? — нетерпеливо спросил я, чувствуя, что господин К. снова обратится ко мне самому и к моему Филиппу.

— Какое это имеет значение?

— Конечно, это, конечно, имеет какое-то значение.

— Не знаю, сколько времени прошло там. Вероятно из другого мира, я услышал далекий и изменившийся голос председателя: «Господи! Не будет ли лучше, если бы обвиненному трибуналу письменное заявление обвиняемого? Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «С трудом встал и начал объяснять: «Как известно, обвиняемый неграмотен, поэтому я не могу написать, надежды, обещание спасти его, данное себе самому».

— Но что же написал юноша? — нетерпеливо спросил я, чувствуя, что господин К. снова обратится ко мне самому и к моему Филиппу.

— Какое это имеет значение?

— Конечно, это, конечно, имеет какое-то значение.

— Не знаю, сколько времени прошло там. Вероятно из другого мира, я услышал далекий и изменившийся голос председателя: «Господи! Не будет ли лучше, если бы обвиненному трибуналу письменное заявление обвиняемого? Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «С трудом встал и начал объяснять: «Как известно, обвиняемый неграмотен, поэтому я не могу написать, надежды, обещание спасти его, данное себе самому».

— Но что же написал юноша? — нетерпеливо спросил я, чувствуя, что господин К. снова обратится ко мне самому и к моему Филиппу.

— Какое это имеет значение?

— Конечно, это, конечно, имеет какое-то значение.

— Не знаю, сколько времени прошло там. Вероятно из другого мира, я услышал далекий и изменившийся голос председателя: «Господи! Не будет ли лучше, если бы обвиненному трибуналу письменное заявление обвиняемого? Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «С трудом встал и начал объяснять: «Как известно, обвиняемый неграмотен, поэтому я не могу написать, надежды, обещание спасти его, данное себе самому».

— Но что же написал юноша? — нетерпеливо спросил я, чувствуя, что господин К. снова обратится ко мне самому и к моему Филиппу.

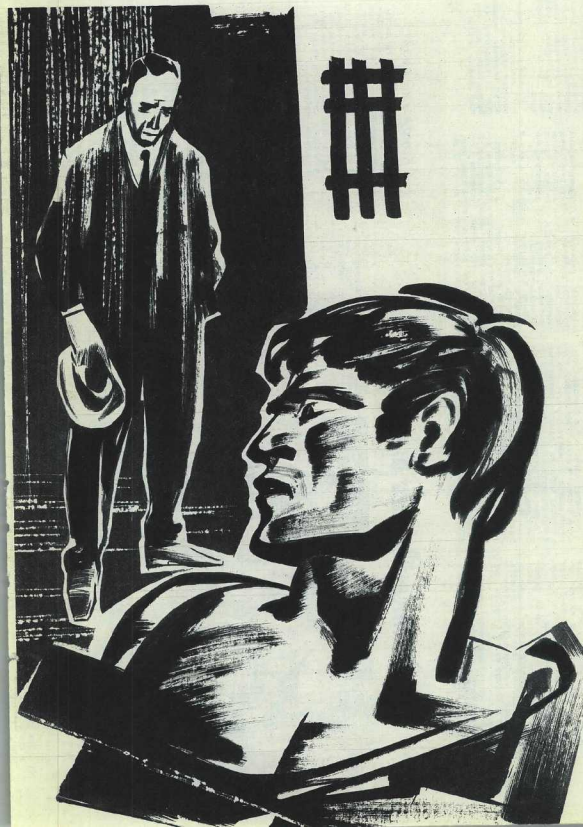
— Какое это имеет значение?

— Конечно, это, конечно, имеет какое-то значение.

— Не знаю, сколько времени прошло там. Вероятно из другого мира, я услышал далекий и изменившийся голос председателя: «Господи! Не будет ли лучше, если бы обвиненному трибуналу письменное заявление обвиняемого? Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «С трудом встал и начал объяснять: «Как известно, обвиняемый неграмотен, поэтому я не могу написать, надежды, обещание спасти его, данное себе самому».

— Но что же написал юноша? — нетерпеливо спросил я, чувствуя, что господин К. снова обратится ко мне самому и к моему Филиппу.

— Какое это имеет значение?

ГЛОБУС

АВГУСТ 1963

Выходит
один раз месяц
№ 8 (40)
Год издания 44

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА С СМЕННЫМ

О Ч Е М Е Ч Т А Ю Т В Ы П И У С К Н И К И

В одном из предыдущих номеров «Глобуса» мы писали о «Восточном ветствии», которая объединит два континента — в мае 1963 года.

Важно отметить, что восточное ветствие — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии. Это означает, что восточное ветствие — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.

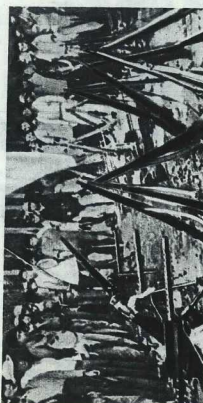
Примечательно, что восточное ветствие — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.

Директор известной в Европе конструкторской фирмы Жюльен Поэн — человек, который знает о строительстве больше всего. Он знает о строительстве больше всего. Он знает о строительстве больше всего.

«А вот что говорят о выборе профессии?» — спрашивает один из наших читателей. «Выбор профессии — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

«Выбор профессии — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

«Загадка» Южного Вьетнама

Партизанские тропы.

«Война, которую США ведут в Южном Вьетнаме, — это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

красные участки в формировании другого человека. Я буду счастлива, если смогу увидеть своего сына. Я буду счастлива, если смогу увидеть своего сына.

«Я уже давно решила идти на филологический факультет», — говорит одна из наших читательниц. «Я уже давно решила идти на филологический факультет.»

«Я уже давно решила идти на филологический факультет.»

Канадский край

Возвращаясь из Канады в качестве редактора «Глобуса», мы не могли не рассказать о том, что мы видели в этой стране. Мы видели в этой стране много интересного. Мы видели в этой стране много интересного.

Английя дядя!

Недавно любитель джесса в Бельгии изложил о новой версии истории. Он изложил о новой версии истории. Он изложил о новой версии истории.

«Центок хактукс. Эта молодая история в области легкой музыки. В этой области легкой музыки. В этой области легкой музыки.»

Завод Школьников

Производственная практика школьников — большое дело. Это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.

«Производственная практика школьников — большое дело. Это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

«Производственная практика школьников — большое дело. Это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

«Производственная практика школьников — большое дело. Это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

«Производственная практика школьников — большое дело. Это не только географическое понятие, но и политическое. Оно охватывает все страны, которые находятся в Азии и Австралии.»

А. ВЕРНЕР (ПЛА)

Н едовольство современным состоянием молодой литературы, наверное, — горькая и вечная участь критики. Самые суровые претензии всегда рождены желанием видеть свежий приток сил в поэзии более сильными и боеспособными. Но у этого справедливого недовольства есть одна опасность — угроза забыть о масштабах достигнутых успехов, считая их само собой разумеющимися. Ведь в истории поэзии наших дней стихи, которые несомненно и убедительно говорят о ее зрелости. Вспомни «Суд» и «Жизнь». Е. Исаев и «Рекемиз» Р. Рождественского, лирику Р. Казаковой, В. Гордейчева, В. Цыбина, наконец, стихи молодых поэтов «последнего призыва»: П. Асмоля и Е. Павлова, А. Зурлика и В. Прилепина. И. Виноградов, В. Кожанов, М. Мелешкин и И. Виноградов — это все основания, чтобы смотреть на молодую поэзию оптимистически, заявляя о ее беспорочном взлете. И все же нельзя не видеть: молодая поэзия недостаточно версифицирована, ей не хватает для большого разговора о сложных и важных вопросах времени.

С особой остротой и ясностью это стало заметно в свете ответственных задач, которые были поставлены перед литературой на встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, которая была сформулирована в постановлении июньского Пленума ЦК КПСС. Молодая поэзия, как организация и неотъемлемая часть всей советской литературы, должна глубоко и завлочно рассказывать о величайших завоеваниях, достигнутых страной, передавать гордость за постигшие скачковые дела нашего народа. Одна из важнейших и основных задач — четко и ясно передать пафос труда, промышленного создания. Что, как не труд, помогает человеку осознать общность интересов с другими людьми, дает возможность постоянно чувствовать надежную опору товарища. И не в последнюю очередь — изображение труда, что дает богатые возможности для «самутверждения» активного, сильного, внутренне богатого человека, — оно способствует формированию и сложению связей в отношениях между людьми, понятию их характера с наибольшей полнотой и значимостью.

Молодой поэзия нельзя пожаловаться на отсутствие в нашей литературе богатых традиций в изображении труда могучего средства коммунистического воспитания. В произведениях советской поэзии процесс черепки души запечатлен с большой глубиной, волнующей правдивостью:

Чем-то বেশ здесь становится краше
И вместо твое да мое
Чаще слышно по-здешнему маме,
Наше слово и наше житье.
Вудто в праздник, для всех без таланов,
Все становится нашим столбом —
Наше солнышко, наши знамена,
Город наш и Россия-страна.

Как емко и впечатляюще сказано в этих строках Бориса Ручьева о коренном переждении человека!

А по-находящему рабочие стихи Я. Смелякова или А. Прокофьева!..

Не ожидая слова сожаления, что труд является слишком малым местом в стихах молодых поэтов — такой вывод и нестрашен, и неслучаен. Даже если оценивать чисто формально, то «стихи о работе» занимают в молодой поэзии совсем не малый объем. Много среди них стихов, характеризующихся трудом, страстью, заинтересованностью. Глубокая, чуть ли не фантастическая влюбленность в работу, отношение к ней как к самому важному и главному на земле свойственно лирическому герою Николая Андиферова. Даже о труде и о своем в профессии шахтера поэт рассказывает с отменным стилистическим изяществом к себе. И эта легкая ирония не только не принижает героя в наших глазах, а, напротив, делает его еще более привлекательным.

Я работаю, как вельможа,
Работаю так, как вельможа,
Не найду работенки краше,
Не для какого-то чести.
О — только доброе и честное!
Только лева — ни встать, ни сесть.

Наша гордость за свою профессию чувствуется, когда поэт без тени иронии расска-

В. ГЕЙДЕКО

ПОЭМА ТЕМА ТРУДА

зывает о необычном «автографе», подаренном ему шахтой при обвале:

Но, как видите, жил-здоров,
На лице только крапинки синие:
Иногда поминаю я криво,
Иногда отменяю — лениво.
Иногда провою по штырям,
Иногда расступаясь молча шаю,
Привыкая своим часословом.

Николай Касьянов более эмоционален. У него нет стилизованной, слегка нисходящей линии поэзии. Он патетичен:

Горячие как булди из пещарин,
Варички в сероватой золе
Грузят в крытый вагон
Краснотелых тузюжных парин
На тонированной даче.
Горчи,
Как булди по печи,
Кумарышки, летят кирочки...
Уши грузилово,
Ручьи-трады,
Уловистые термине,
В индлах,
Пропалянные жарким морозом
И заплятые доброй силой!

Стихотворение это пронизано восхищением и гордостью за руки рабочего человека, и покажется странным, если заметить, что по сравнению со стихами И. Андиферова в нем произношение «привыкая» в отношении к труду. Но воздержимся от выводов и процитируем еще одно стихотворение Н. Касьянова:

На обед пришли в столовую грузчики,
Хоты усталы,
Им бы поменьше, но веселый вид,
Им бы поменьше, да похуже
У ребят чудесный аппетит.
Не боятся дождикам в тарелках,
Нос не морщат,
И не хмичут, губы не кривят,
Черныш — все идет поiard,
Ярней борщи заманчиво дымится,
Как пошторить,
После грузчика и перец и горчицу
На столе едва ли ты найдешь.

Возможно, эти два стихотворения Н. Касьянова не совсем основательный повод напомнить о том, что результаты труда измеряются не только кубометрами разгруженных с маншн-бреней или количеством вытесненных деталей, но и изменениями в сознании людей, выявлением в их характере благородных или отрицательных черт. Свидетель этой роли труда — только и удальской и тяжелой работы, выходящей впоследствии отличной аппетит, в этих стихотворениях внешне мало заметное, отчетливо выражено и широко распространено в молодой поэзии. Причем такое упрощение роли труда становится тем сильнее, чем яркее, точнее старательнее правдоподобие и максимальная внешней «похожесть» изображается сам процесс работы:

Дружная, ребята, веселее, что ли!
Что ошпи распустил, а ты,
Нас много, тех, кому карманам,
И на руках мозоли, как карманам,
Много нес!
Греми, кирка!
Уровню сплелую землю!
Сиропы падай, гомоу падай вина!

В этих строках Романа Солнцева максимально воплотилась приверженность молодой поэзии к формуле: «Гремит кирка, врезается

в землю лопата — эх, и здорово мы работаем!» Все внимательно заметил исключительно тому, что земля очень твердая, а лопата давно не точилась, комбинезоны сделаны из грубого брезента и в придачу ко всему нерегулярно печет солнце. Говорить нечего: когда извлекаться в подобном положении, то действительно на первую очередь думать о том, сколько часов осталось до обдуманного перекура.

При этом даже сложились правила «хорошего тона», по которым весь процесс работы надо описывать как можно более развлекательными и бесцельными фразами, умалчивая о сложнейших, привязанных как можно сильнее поразить воображение читателей точным воссозданием всех шумовых эффектов.

Трудно говорить о каком-либо глубоком осмыслении роли труда в стихах, которые ограничиваются стенографической записью шумов производимых механизмами, числа ударов, сделанных киркой, да сообщениями об усталости, которая охватывает тебя к концу смены. Стихи не дают возможности для серьезных обобщений. Не дают? Сами авторы не всегда с этим согласны. Вспомните приведенную цитату из стихотворения Р. Солнцева и прочитайте теперь его кощунку:

Здесь будет дом,
А здесь вот будет зелен.
Всеобщие здесь будут
Коммунизм.

Безусловно, мысль высказанная верная, но каким по меньшей мере наивным и неоправданным выглядят эти обобщения среди стихотворения, базирующего атмосферу всего стихотворения!

Самого факта, что во время работы приходится трудно, возникает необходимость терпеть какие-то лишения, авторам кажется вполне достаточно, чтобы говорить об испепеляющей роли труда, представляя процесс воспитания трудом как что-то автоматическое и полностью безотказное. Мало этого — подобный метод воспитания находит умудренное воплощение в речевках, которые авторы щедро и охотно выдают сверстникам, обшившимся с правильного пути:

А ты вот ходил ли по снегу немучено?
А гред ли ты щенк руками?
А омули аи ли ты, парень,
С байльскими рыбакими!

настойчиво распространяет воображаемое софистика Иван Шенцев и, добившись отрицательного ответа, рещает без промедления:

Эх, парень, ты, парень, пойдём-
со мной:
Како-то болел ты динько,
И знавал тебя я по имени иной
Ивану научу
преппаньям!

Нельзя не пожалеть парню, втянутому первым на переиспытание, исправиться и найти верный путь в жизни, но в полном успехе предлагаемого метода лечения все же сомневаться...

Неутешительным оказывается знакомство со стихами о труде: даже в наиболее ярких и интересных из них слишком велика описательная нагрузка в изображении трудовых процессов, нет художественных открытий в понимании труда как могучего учителя и воспитателя, в раскрытии той тщательной проверки, которой подвергается в работе все истинное и ложное в человеке. Робость в изображении человека-труж-

В П О Д О П П А М

В П О Д О П П А М

ника во весь его огромный рост мешет молодой поэзии обрести большую свободу, а потому и молодой поэзии — Основную массу стихов молодых авторов по-прежнему приходится воспринимать с многочисленными и значительными «скачками» — на возраст, литературный стиль, жизненный опыт...

В молодой поэзии высок чисто профессиональный уровень: стихотворная техника по всем своим тонкостям доступна большинству авторов. Не скажешь, наконец, в то, что у авторов мало талантливых книг. В сборниках молодых поэтов мы находим много интересных, своеобразных стихов, знакомство с автором оказывается приятным, и после чтения книги зачастую у нас не бывает к нему никаких-либо особых претензий. Вернее, бываю, но это скорее не претензия, а просто пожелания, которые и высказываются по тому не совсем уверенным. Серьезного разговора о важнейших вопросах времени, которого так ожидали, в книге не состоялось, но почему недостатку всей молодой поэзии нужно ставить в вину именно этому, отделью ваятому автору? Или по-совому искусно высказал все, что хотел, интересно и своеобразно авантажила свой характер, короче говоря, задачи, поставленные как бы самим собой, выполнил полностью, а на больше, дескать, он и не претендует.

Такое впечатление остается после чтения одной книги молодого поэта. Потом — другая. Но читаешь еще и еще сборники молодых авторов, которые опять-таки в отдельности не заслуживают суровых претензий, и уже не можешь не догадываться: кто-то ведь должен громко, в полный голос говорить о том, что волнует сейчас всех людей планеты, кто-то должен раздвинуть горизонты мысли, наблюдений и увидеть мир шире, просторнее, масштабнее!

Шестидесяти пять авторов — участников совещания молодых поэтов в ЦК ВЛКСМ в 1961 году — найдем мы в оглавлении выпущенного издательством «Молодая гвардия» сборника «Встреча». Книга эта могла бы быть точный и отчетливый портрет времени — эпохи космических полетов и напряженной работы на стройках семилетия, атомных электростанций и коренной ломки в сознании людей. Разумеется, совсем не обязательно для этого требовать репортажей с перекрестки Енисей или впечатлений от занятий в университетской културе. Если заботы и волнения, которыми живет страна, действительно близки тебе, то принадлежность к своему времени будет само ощущаться во всем, о чем бы ты ни писал. И в том, как пышной леной облеплены яблоки (Иван Лисово «Ледобитские сады»), и том, как вымшилась за ночь улица от внезапно выпавшего снега (Антоний Брагин «Зима»). Правда, это не самые лучшие и выходящие за пределы любого разговора темы, но с другой стороны, единственно их выбор еще совсем не говорит о камерности чувств, незначительности содержания стихотворений. Выводы эти напрашиваются уже позже, когда убеждаешься, что живописные абстрактные сады отстраиваются только от того, что дает основания для восторга: вот в каких чудных, красивых местах мне пришлось побывать! — а удивление перед изменением от выпавшего снега улицей вызвано лишь желанием бесконечно понаблюдать с читателями полученным удовольствием.

К таким стихам само собой притесняется определение — «личное» — «личное» — но обязательно привнеси в искусство — а не только и не быть — а по устности и замкнутости переживания поэта, одалженности от всех важных жизненных проблем. Всесмы упреком выглядят уже сама возможность легко разделить лирику

этих авторов на две резко отличающиеся части — «личное» и «гражданское», — когда такое деление попросту невозможно: в стихах поэта, чьи личные заботы составляют неотъемлемую, глубоко пронизывающую часть забот общества. И не удивительно, что, когда авторы берутся за важные социальные темы, получают холодные декларации, совершенно не трогающие читателя за душу при всей громкости и выразительности их тона. Случается и другое: независимо от воли автора сложные вопросы получают в стихотворении нечеткое, а иногда и просто неверное осмысление.

О тяжелой судьбе Маргены (имя, ставшее в литературе нарицательным для страдающей, много перенесшей на своих плечах деревенской женщины) Александр Говоров пишет с нескрываемым, внешне хорошо заметным сочувствием. Привожу и в рабочей фуфайке, готовая терпеливо помнить о любой одежде, Маргена очень редко вспоминала о дорогих и традиционных нарядах:

Иногда лишь мечтала,
Но veniam пылась,
Теле тосковала
И жемчуга, собора.

Когда пришла война, все мысли Маргены были заняты беспокойством об ушедшем на фронт муже. Без колебаний она разделила долю всех деревенских подруг, заменивших мужчин на самых «неженских» работах. Горькая и в рабочей фуфайке, готовая терпеливо помнить о любой одежде, Маргена, но, право же, высказала ей признательность хотелось бы совсем иначе, чем это сделал поэт:

Все встречала ты гордо,
Ты не хотела звать,
Но слезы твои
Горе и голод
Сломить.

Можно ответить, что здесь «виноват» размер: вымер по размер более длинный, ритм не создавал бы такой неуместной легкости, частушечной бойкости, и не пришлось бы выполнять такую небрежную выразительность: «Ты не хотела звать». Но случайностей в искусстве не бывает: фальшь неизбежно обернулась бы если не непредуманностью в выборе размера, то чуждостью духом.

И оборачивается. Возвращается с войной муж Маргены, и автор рисует такую сцену:

Наконец-то вздохнула
Людской грудью телера,
А на плечи метнулся
Собой —
экспортный апер.

Кажется, все правильно: она-то, Маргены, давно мечтала о свободе да и заслужила их давно и полным правом. А на самом деле какой фальшивой, оскорбительной выглядит эта приложительность, какой оттенком самодовольства придает автор Маргены, когда в финале стихотворения соединяет такие строчки:

И улети красиво,
Взлетай дружок...
Вот Маргены
Росси
На за что
Не променя!

Самые благородные и верные побуждения были у поэта. Внешне они даже осуществлены: автор выражает Маргены и сочувствие и жалость, а в заключение даже вознаграждает героиню дорогим методом. Но все доброе эмпирически получило значение, противопоставило эмпири-

И в том, что «правильный» замысел при исполнении неожиданно оборачивается фальшиво, есть глубокая закономерность: сама природа художественного творчества обрекает на неуверенность поэтского горю, о дорогих каждому человеку вещах с внешней теплотой и искренностью, оставаясь при этом холодным и равнодушным.

Пожелания молодой поэзии большей гражданской выразительности, философской силы вовсе не являются чем-то для нас недостаточным. В лучших стихах мы можем видеть, как естественно воплощаются полная неравнодушность общественных и личных забот и стремлений:

А нас кормит жизнь, а не искусство.
А я в искусство — с головой!
И оттого бываю скудно
С собой и прочей скудой.

Так своеобразно жалуются на жизнь Павел Мелехин. Горькие афоризмы во многом можно назвать автобиографическими: поэт еще не выпустил первой книги, и вполне вероятно, что составление своеобразных названий «дой и прочей скудой», ему приходится действительно трудно. И здесь автор делал существование и опять оригинальную оговорку:

Но у меня такого не было,
Что я в искусство — с головой!
И оттого бываю скудно
Побольше Хлебникова сл.

Основательно приученные к тому, что любовь к оригинальной звукописи рождает у молодых поэтов самые причудливые и одновременно случайные по смыслу аксиомы и аллитерации, мы с некоторым недоверием воспринимаем сочетание «хлеба Хлебникова». Каламбу? Насколько!

И сверстников его — побольше!
Проползавших в боюх,
Дельных нем собой по-божески
Осыпая черную, как прах,
То Переносы, то походы.
А все тот прах
Да имень но шлах.
Таня тинкая работа
И при тех пустых каргах.

Демонстративно желание поэта «поднять» давление годы через «взрыв» во шлах выдает самообман и очевид эффект. А все же сомневаться: не затнулось ли «обывательное» нехватки хлеба — любовью, в том числе и самый интересный прием какой-то предельно — и не сближком ли это «примечатель» масштаба и значение исторических лет? Автор полностью отводит такое опасение замечательными по глубине и точности штрихами, показывает все величие не только давно прошедшего странной поэты, но и новых, еще предстоящих дел:

Вот это, понимаю, подруг,
Вот это, понимаю, да!
Как жаль, что было на сегодня
Нельзя попользоваться в те года.
И все-таки вдали русские.
Еще я думаю про то:
С тем хлебом — сделать
революцию!

Как хотелось бы чаще встречать в поэзии такую завершенность, глубину, неподдельную искренность, полнее чувствовать в авторе стихов своего современника!

Пока об этом больше приходится говорить в будущем времени... И как горячо жальнее скорее выйти об уверенном взрослении молодой поэзии, которое позволит ей выполнять большие и ответственные задачи, поставленные партий перед советской литературой, оправдать надежды, возложенные на нее народом.

Евг. КОНСТАНТИНОВ

КОМСОРТ

Борис ЯРОЦКИЙ
(Линск)

Хотели после смены — кто куда:
На звонкий лед, в кинотеатры,
Дежурный мастер прибегал: «Беда!»
Прорвало трубы...
Помочь тут можем только мы одним,
Привычные к морозу, молодые,
Так не маните, теплые огни,—
Не принимаем ваши позывные...
Усталые, промерзшие идем,
Поругивая трубы, землю росы.
...Утер глаза стезенным рукавом
Комсорт бригады: он слабей здоровьем.
Но бьет оледенелым молотком
До ужаса настойчиво и жарко...
И снова озаряется кругом
Зеленый снег в лучах электростарика.
За шагом — шаг. За сотней — новых стов.
Ждем сталь, а руки тяжелее стали...
...Последней стали — Подняли...
— Р-разом! — Стоп!
Шабаш, ребята, конечно.

Устали...
Рассвет убавил в лампочках накал —
С работы возвратились ребята.
А впереди шатался,
но шагал,
Не разберешь,
комсорт... или Корчагин!..

В четыре — атака.
Чуть слышно, как ветер
В потемках сплотившись с мокрую росу
И в роту стрелковому к нам на рассвете
Идет по ходам сообщения на ощупь.
Срывает дождики по капле и по две
И ругать холодной бросает на шюю...
Нам никогда маршут...
Мы роем траншею...
Быть может, вот так начинается подвиг.

СОЛНЦЕ С НАМИ!

Я — строитель,
И встречаю высоко в зенитах рассвет.
Первым говорю я солнцу:
«Здравствуй!»
Хватит прохлаждаться на рося,
Не к лицу светилу в него пуднуть
От болота винного облик...
Чтобы не потухнуть,
не протухнуть,
Высотой страхуюсь от низины...
И, услышав голос мой настойчивый,
Видя, что проспало до утра,
Солнце устремляется на стройку
Заблестеть во взмахах топора,
Радушно перелетывая в лилак,
Разогреть для завуеса мотор
И войти креплящей,
жаркой силой
Каменишкой в розовый раствор...

АНТОНИН ЧИСТЯКОВ
(Валнин)

Не за то,
что уродилась стройной,
Не за то,
что — на заре красна —
Красотой с березой
Белостольной
Споришь ты,
Литарная сосна;
Нет,
Тебя люблю я не за эту
Данную природой красоту,
А за то,
что ты зимой и летом
Зеленую
Штурмуешь высоту.

А. ИОНКИН
(Воронеж)

О. ДМИТРИЕВ

РУЧЕЙ

Здравствуй, ручей,
Здравствуй!
Чей ты ручей, чей!
Ну же, дайвай хвастай
Светлой водой ключей!
Я-то к тебе в гости.
Воду пью из горсти.
Горести мои, горести...
Где ам, мои горести-ни!
Все они в воду канули —
Ах, как мне повезло!
Прошлое, будто камин,
Может все лоросло.
В дно я упрнусь руками,
Брошусь лицом в струю...
Медленными глотками
Быструю воду пью,
Чтоб для любого дела,
Против любой беды
В жилах моих гудела
Сила твоей воды!
Что не под силу силе,
Если ее нашли
Посередине России
Во глубине земли!
Жаркое дело боя!
Трудности ремесла!
Сможет она любое,
Кроме, конечно, зная!

Владимир САНГИ
(Южно-Сахалинск)

НА ОХОТЕ

Где же ваши наброды,
Куропаты,
Куропаты!
Льшь деревья, кусты и сугробы
Да прилтишая
Падь.
Я гляжу на затинки,
Головою верчу.
Пень похож на зайчишку.
Ветка в ивее — на свечу.
И свеча эта светит
В мир заветных огнем.
У меня на примете
Куст за дальним бугром.
На ольховнике почин
Все обделены в хрусталь,
И под пылавом очены
Ветки ломко хрустят.
Где же ваши наброды,
Куропаты,
Куропаты!
В день морозный вы роде
В снег
Зарылись спать!
Жгут костры на небосводе,
Месад лезвием наточил.
Ничего не убил я сегодня,
Я стихи сочинил.

НОЧНОЙ РЕЙС

Мы молодые,
Нам везде дорога.
А если не проехать, не пройти...
Путь до села
И было недалеко,
И нему веса отрезала путь.
Ну, хоть бросай машины у ювета
И в ночь иди, упорно грядь месад!
Но ждуть механизаторы нас где-то
У Семилук.
Специальную иельзу,
И ам берем тяжелые полаты,
Чтоб метр за метром делать колею,
И замечает Леша суховато:
— Я на такие фонусы плию!
Мы все согласны с этим заключением,
За хворостом Шагам в дальний лес.
Для нас такая ночь —
Не приключенье,
А самый рядовой, обычный рейс...
Мы за ночь часто вспоминали бога,
Пробились сами.
Бог нам не помог.
Мы молодые.
Нам везде дорога.
И даже там, где вовсе нет дорог!

ГИЗНЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в №№ 11—15.

2

Людей, посвятивших себя изучению вопросов языковедения, обычно приспосабливают к кабинетным занятиям. Марина Муратова была исключением из этого правила. Большая исследовательская работа, которую она вела, не мешала ей интересоваться живописью, музыкой, заниматься спортом. Она много путешествовала. И не было ничего удивительного, что выбор ученого совета института космонавтики, искавшего подругу для Гизни, остановился на ней.

Марина согласилась сразу. Она знала, что на долгое время будет оторвана от любимого дела, но это не остановило ее. Необычность и трудность предстоявшей задачи увлекли ее. Познакомиться с чужим языком, научиться гостю из космоса знакомому языку, близко сойтись с существом, родившимся в атмосфере на другой планете,—все это было увлекательно и романтично.

В первые время дело шло как будто гладко. Язык, на котором Гизня говорила, был звучен, казался простым, слова запоминались легко. Группы в сотрудничестве института лингвистики и сама Муратова считали, что и в дальнейшем на будет никаких трудностей. Но чем дальше, тем неохотнее Гизня знакомила людей со своим языком.

Да и то, что люди уже знали, смущало лингвистов. Чувствовалось, что Гизня упрощает фразы. Высокая культура народа, к которому принадлежала Гизня, исключала возможность бедности речи. Ее язык, безусловно, был богат и обширен, а его кажущаяся простота — обманчивой.

Когда окончательно убедилась, что на помощь Гизни рассчитывать нельзя, Марине было решено продолжать изучение самостоятельно. Живя на Земле, общаясь с людьми, даже с одной толпой Муратовой, гостя довольно произносила новые слова и фразы. Их запоминали и трансформировывали. В помощь прекрасной памяти Марини привели магнитофон, Маленький портативный аппарат о существовании которого Гизня не подозревала, сопровождал ее всюду.

Марина знала, что гостя симпатизирует ей. Было очень важно укрепить эти дружеские отношения. Все надежды ученых раскрыть загадку появления Гизни были основаны на этом.

Муратова хорошо справлялась со своей работой. За прошедшие полгода года она ни разу не пожалела о том, что свазала себя с Гизней, ни разу между ними не пробежала черная кошка. У гостя Земли был хороший характер, и с каждым днем он становился лучше. Исчезли, ушли несомненная настороженность, очень заметные в первые месяцы. Теперь Гизня была «обычной» девушкой. Всегда оживленная, очень подвижная, любящая спорт и игры, которые она осваивала с поразительной легкостью, рисовала музыку, она в свободное время даже дуранилась, оставаясь надежна с подругой.

Она не пыталась научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, но с удовольствием слушала, когда играла Марина.

Иногда гостя начинала петь неведомые песни, со странным для земного уха мотивом, без аккомпанемента, поразая всех, кто ее слышал, красотой тембра и невероятной широтой диапазона своего голоса.

Эти песни, записанные магнитофоном, служили главной «пищей» электронного мозга — в них было много новых слов и сочетаний.

Марина была рада, что Гизня очень молода, но высказать этот простой вопрос никак не удавалось. С неприятным упорством Гизня отмахивалась, когда ее спрашивали об этом.

Манера гостя игнорировать некоторые вопросы, будто не слыша их, никогда не раздражала Муратову и не вызвала желание во что бы то ни стало добиться ответа. Она всегда помнила, что, несмотря на поразительное сходство с людьми, перед ней человек иного мира, с иными привычками и понятиями. И она делала вид, что молчание Гизни вполне естественно.

Между двумя девушками было полное согласие и внешне полное взаимопонимание.

Всем казалось, что жизнь Земли несколько не интересует Гизню. Но Марина видела, и с каждым днем все, что это далеко не так.

Она уже хорошо разобралась в оттенках выражения лица и особенно глаза гостя. И постепенно убеждалась, что Гизня просто прятает от людей свой интерес к Земле за искусной маской равнодушия.

За полгода года Гизня обещала освоить Землю. Она видела все, что было наиболее красивым, величественным и грозным на планете. И, несмотря на то, что все это не производило на нее впечатления. Нигде она не задерживалась долго, никогда не любовалась произведениями искусства, красотой природы. Смотрела минуту, много—две и отворачивалась.

Но когда через несколько месяцев после поездки в Северную Америку

Марина увидела нарисованную Гизней Niagaraский водопад, она поняла, что Гизня мимолетного взгляда достаточно, чтобы навсегда запомнить его виденье. Величественная картина падающей воды была передана на рисунке с мельчайшими подробностями. Капало, что в мозгу Гизни запечатлелась фотографический снимок водопада.

И так было много раз. Гизня все же помнила, ничего не забывала. Нет, это было не равнодушие! Тогда, может быть, внешне безразлично ко всему — свойство ее соплеменников, своеобразная традиция, обязательная форма поведения, диктуемая бытажем?

Могло быть и так, но Марина почему-то не хотела верить этому. Ей казалось, что Гизня все же интуитивно на себя равнодушна, делает вид, что ее не интересуют Земли.

Зачем ей это может быть нужно?

И постепенно в душе Марини появилось и крепло убеждение, что гостя из космоса склонна к притворству.

И вот совсем недавно произошедший случай, глубоко взволновавший всех и еще больше укрупнивший Муратову — ее предложение.

Стоя у переезда через полотно шаража на пути в Полтаву, Гизня неожиданно задала вопрос, показавший с полной очевидностью, что она прятает от людей не только свое прошлое, но и настоящее.

Откуда могла узнать Гизня, что у Марини есть брат? Больше того, она знала, что форма пути шаража — конструкция Виктора Муратова!

Гизня разговаривала только с Марининой. Все, что она говорила другим и что ей говорили, переводила Марина. Если гостя не знало ни одного земного языка, она никак не могла знать о существовании Виктора Муратова вообще. Но вдруг оказалось, что она об этом знает. И не только об этом.

Новость была очень важной и повлекла за собой совсем уж неправдоподобные последствия. Случайно ли проговорилась Гизня? Или она намеренно захотела показать людям свою осведомленность? Этот важнейший вопрос встал перед ученым советом института космонавтики.

Гизня, случайно или намеренно, но обнаруживала знание по крайней мере одного из языков Земли. Из этого факта можно было сделать вывод, что старое подозрение справедливо, что Гизня действительно принадлежит к тем, кто направил в Гизне спутников-разведчиков. А если это так, то становилось очевидным и другое: ее соплеменники были на Земле. Но можно было объяснить все и иначе: Гизня сама, без чьей-либо помощи, изучила земной язык.

Было очень важно высказать, какой именно язык знала Гизня. С этим вопросом обратились к Муратовой.

Гизня любила рассматривать журналы, и ей доставляли их отовсюду. Думали, что ее интересуют только иллюстрации.

Теперь встал вопрос: какие именно журналы предпочитала Гизня? Гизня знала, что человек, предложивший новую форму пути для шаража, — брат ее спутники. Значит, в каком-то из журналов была напечатана статья об этом.

И нужная статья очень скоро была найдена. В ней говорилось о шараже и его осведомленности, что Виктор Муратов — родной брат Марини Муратовой, подруги и переводчицы Гизни. Стало очевидно, что именно эту статью и прочла Гизня.

Журнал оказался на испанском языке.

В институте лингвистики облетело вздохами. В звучании слов, в построении фразы языка Гизня давно уже заподозрили сходство с каким-то из романских языков Земли. Теперь отпали последние сомнения. Каким бы странным совпадением это ни казалось, но люди неведомой планеты (может быть, не все, а только часть, к которой принадлежала Гизня) говорили на языке, очень сходном с испанским.

Эта вторая новость была еще более сенсационной, чем первая.

Многое стало ясно. Не могла Гизня случайно выучить именно тот язык, который больше всего походил на ее родной. Она знала его раньше, до того, как появилась среди людей.

А отсюда, естественно, вытекал другой вывод: Гизня и те, кто был ее соплеменниками-разведчиками, принадлежали к одному и тому же народу! Догадайтесь сами истинной.

Люди считали, что никогда еще существо иного мира не посещали Землю. Это оказалось ошибкой. Независимо когда, но соплеменники Гизни были на Земле, и были довольно долгое время. Они успели узнать и язык, и язык Земли.

По-испански говорили не только на Пиренейском полуострове. В Мексике, республиках Центральной Америки, во всей Южной Америке, за исключением Бразилии, говорили по-испански. Космический корабль, пришедший из космоса, посетил именно там. Тогда сходство их языка с языком землян оказалось счастливым случаем.

С большой долей вероятности можно было предположить, что гости прилетели на Землю очень давно. Если бы это случилось в последние века, их прилет не остался бы незамеченным. Легко было посадить корабль, скрыть его от взоров людей, смешаться с населением редких городов и поселков, узнать все, что было нужно. И так же незаметно покинуть Землю.

Чем могли привлечь к себе внимание люди, подобные Гизиан? Зельским отнюдь не кони! Его легко было скрыть, прибывнув к гриму, или к сильному загару. Необычной формой глаз? Возможно, что на это обратили внимание, но это бы не стоило уж заметный признак, чтобы поразить воображение или возбудить какою-либо подозрения у людей.

Так неожиданно открылась одна из тайн, окружавших Гизианю. Марина Муратова хорошо знала испанский язык. Велико было искушение ангельно загоспорить с Гизианей по-испански, вместе ее врасплох, но Марина посоветовала не делать этого. Если гостья все же не намеренно задала свой вопрос, а проговорилась, то лучше всего было сделать вид, что этот случай прошел незамеченным. А если намеренно, то там было не следовало форсировать события. Пусть Гизианя сама решит, когда надо заговорить «иным голосом».

3

В те дни Виктор Муратов был очень занят и ничего не знал о новости, аэроиспытательной Землю. Он был срочно вызван в один из вычислительных центров, связанный с экспедицией Жана Легерье и контролирующей движением Гермеса.

Возникло непредвиденное осложнение. На своем пути астероид вступил с крупным телом, еще неизвестной малой планетой. Локационные приборы и гравиметры своевременно предупредили о встрече, и столкновения удалось избежать. Но траектория Гермеса изменилась. Нужно было искорректировать курс.

Легерье и Вестон сами произвели расчеты и сообщили их на Землю. Они совпали с расчетами, произведенными в вычислительном центре. Теперь требовалась четвертая, окончательная проверка. В подобных делах давно уже стало традицией, чтобы вычисления производились четырежды.

Как всегда, погружились в работу. Муратов выключил из сознания все остальное. А когда работа была окончена (в четвертый раз был получен один и тот же результат), осталось мало времени, и Муратов спешно отправился в Полтаву.

Селена поразила его своими размерами. Она была значительно больше Полтавы, хотя считалась пригородом. Город вырос со скоростью быстрой на пустом месте — за пять лет.

Селена имела форму кольца. В центре помещался огромный ракетодром.

Круговой венец провоз Муратова через весь город.

Он забыл о времени, о своем нетерпении — обо всем. Зрелище целиком поглотило его внимание. На каждом шагу, на каждом повороте открывались ансамбли зданий одной красивее и величественнее другого. Дома казались воздушными, обилие зелени подчеркивало легкость конструкций, огромные проемы окон насквозь пронизывали солнечным светом.

И люди, живущие в этом волшебном городе, незлобно казались каким-то другим, не такими, как в других городах. Они сами были словно пронизаны светом.

«Обязательно попытайся пережить сюда, — думал Муратов. — Надо пойти среди этой красоты. Наверное, и работа пойдет здесь быстрее».

На ракетодrome он добрался на космолете.

На огромном бетонном поле жизнь шла обычным порядком. Озабоченно сновали по полю быстрой, явственно слышимые машины, медлили на маленьких космолетах дежурные механики, регулировщики, диспетчеры. Далеко в центре поля бегали на солнце корпуса ракет, внутренних и посадочных. Макетпланетные корабли не опускались на ракетодром. Они высеживали своих пассажиров или ожидали их высоко над ним, за пределами атмосферы.

В здании космоплота Муратов увидел много людей. Он сразу наткнулся на Стоуна. Председатель ученого совета обрадовался Муратову — они давно не виделись — и крепко пожал ему руку.

— Итак, — сказал Муратов, — снова ничего!

Речь шла о шестой, снова — со вздохом ответил Стоун.

— Что именно? Оба уже знали, что экспедиция опять вернулась ни с чем. Никогда признано присутствие на Луне спутников-разведчиков или их базы не удалось обнаружить.

— Это последняя, — прибавил Стоун. — Нет смысла продолжать поиски, пока мы не узнаем, что-нибудь новое.

— Выманим! — раздался нетерпимый отчетливый голос. — Отлетающим на Марс пройти на посадку.

Вестибюль заметно опустел. И тогда Муратов вдруг увидел Марину и Гизианю. Они стояли у одного из многочисленных инконов-автоматов, оминательно разговаривая. Проходившие мимо урядкой бросали любопытные взгляды на эту пару.

— Интересно, зачем она сюда явилась! — сказал Стоун, проследив за взглядом Муратова. — Похоже, что Гизианю очень интересует наши поиски на Луне.

— Откуда она может знать о них?

— Стоун тутуменно посмотрел на собеседника.

— Как, — вскрикнул он, — вы ничего не знаете!

— Что именно?

— Да вы читали газеты в эти дни, слушали передачи?

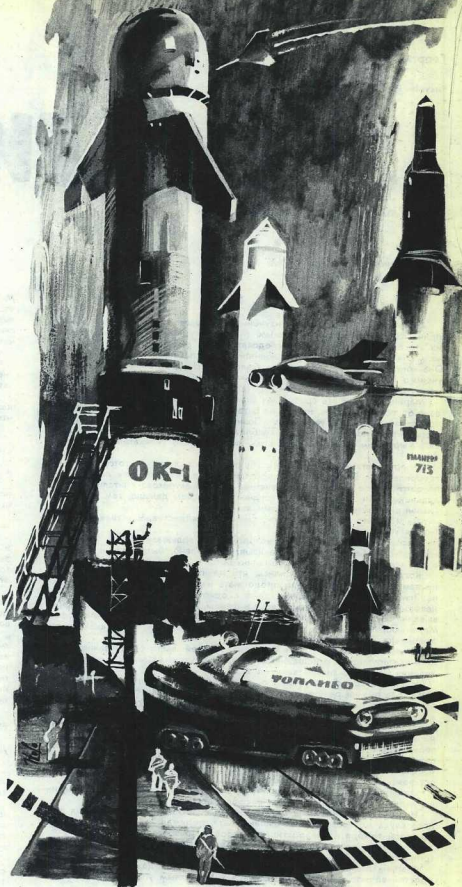
— Нет, — ответил Муратов, — мне было некогда. Вы же знаете, чем я занимаюсь.

Муратов слушал рассказ Стоуна с изумлением. Вот это новость! Гизианя знает о спонсировании? Невероятно!

— Теперь вы понимаете? — спросил Стоун.

— Еще бы! Стинию понимаю, что все мой план рухнет.

— Почему же? — Стоун знал о намерениях Муратова. — Скорая наоборот, это вам поможет. Но только надо быть очень и очень осторожным.

— Вот именно! А это как раз и означает, что нужен новый, совсем новый план.

— Гизиане не следует показывать, что нам известна ее тайна. Я посоветовал бы вам как бы случайно, в удобный момент, заговорить при ней по-испански с вашей сестрой. Выберите интересную тему. Гизианя тему. Интересно и важно проследить, как она будет реагировать на это.

Муратов оспаривать не стал. Она находилась от них шагах в тридцати, не больше.

— Мы говорим слишком громко, — шепнул он Стоуну. — Гизианя слышит более чем хорошо.

— Мы же говорим не по-испански.

— А кто ее знает! Может быть, она понимает. После того, что вы рассказали, я ни за что не поручусь.

— Да, это, пожалуй, верно.

Топла пассажирами, только что вошедших в вестибюль, отделила их от двух девушек.

— Стои посмотри на часы.

— Шестая должна прибыть минут через двенадцать,— сказал он.—

Идите к ним.

— Думаю, что Гизна не захочет говорить со мной.

— Верю ли. Ваша сестра сообщила, что Гизна еще вчера снова спросила про вас.

— Я угадал,— подумал Муратов.— Она рисовала пейзаж Гермеса не случайно.

— Хорошо,— сказал он.— Иди! Будь что будет.

Но Марину и Гизну не оказалось на прежнем месте. Они куда-то ушли.

Муратов отправился на поиски.

С самого утра Гизна нервничала. Это было хорошо заметно по ее движению, по голосу, выходя из привычного лица. Марина видела, что какая-то неотвязчивая мысль не дает ей покоя.

За завтраком Гизна неожиданно попросила показать ей Селену. Но просьба нисколько не удивила Марину. Она ждала ее давно, но сомневалась, что именно придет шестой лунной экспедиции, оставив Гизноу явиться сюда. Теперь уже не приходило удивляться ее осведомленности.

Вчера Гизна удивила Марину внезапным вопросом: придет ли ее брат в Полтаву? Она не прибавила: «...встретить шестую»,— но было ясно, что спрашивала именно об этом.

Марина ответила, что Виктор придет.

— Может быть, не придет лунной экспедиции, а именно предстоящая встреча с Виктором так сильно заволновала Гизноу?

Марина немедленно сообщила обо всем Стюарту. В ученом совете с большим удивлением встретили эту известие. Вопрос Гизны давал все основания считать, что девушка решила открыть карты, что у переадреса через полотно шарика она не проговорилась, а намеренно дала понять, что знает многое, чего не могла бы знать, не владея языком. Но тогда почему она прямо не сознается в этом? Было похоже, что Гизна все еще чего-то опасается.

Марину рекомендовали отнестись ко второму случаю «повторности» Гизны так же, как к первому: сделать вид, что она ничего не замечала.

4

В Селене Гизна была задумчива и рассеяна. Она старалась прогнать из головы все, что ей показывали, и это больше всего говорило о потере ею душевного равновесия.

Следя за намеченной линией поведения, Марина предложила вернуться в Полтаву как раз тогда, когда по времени следовало отправиться на ракету-догонялку, если Гизна действительно хотела встретиться шестую.

Можно было ожидать, что тут уж Гизна вынуждена будет ответить прямо.

— Но гостя ждала естественно заучивый ответ.

— Вы говорите,— сказала она,— что город выстроен кольцом вокруг ракетодорожки, а его самого мне не показали. Раз уж вы здесь, покажите и его.

— Вывернувшись— досадой подумала Марина.— Что за странное управление!

Они ездили по Селене в зенитobile. Марина повернула руль, и машина направилась к центру. Непонятная тревога Гизны усиливалась. Шаги девушки пылали, глаза блеснули лихорадочно. Несколько вопросов, заданных Мариной, осталось без ответа. Казалось, что, поглощенная своими мыслями, Гизна ничего не слышит.

Но когда они вошли в вестибюль вокзала космопорта, Гизноу точно подменили. Она оживилась и сама засыпала Марину вопросами. Ее лицо приняло обычную окраску, и только блеск глаз показывал, что тревога еще не покинула Гизноу.

И вдруг (Марина не поверила своим ушам) Гизна спросила:

— Сколько человек участвовало в шестой лунной экспедиции?

— Откуда вы знаете об этой экспедиции?— не выдержала наконец Марина и пристально взглянула на подругу.

— Гизна нисколько не смущается.

— Вы же сами говорили мне об этой экспедиции,— ответила она невозмутимо.

Это было вполне логично, такого разговора никогда не было. Марина помнила это точно. «Так!»— подумала она.— Гизна способна не только приходить, но и уходить.

— Я не помню,— сказала она вслух,— чтобы когда-нибудь говорила вам о шестой лунной экспедиции. А почему она вас может интересовать?

— Ответа не последовало. Гизна предпочла прибегнуть к обычному молчанию.

— Мы будем ждать прилета шестой экспедиции?— спросила Марина как ни в чем не бывало.

— Да,— ответила Гизна.

Этим коротким словом она признавалась, что приехала в Полтаву специально для встречи шестой. Не могла она не понимать, что смысл ее слова ясен для Марины. И не боялась этого.

«Что ж, пора уже!»— думала Марина.— Знать язык и не говорить на нем очень трудно. Гизна, наверно, истосковалась по свободному разговору. Играть роль полтора года более чем достаточно.

— Задаетесь ли,— раздался позади них.

Гизна так стремительно обернулась, что не могла бы никакого сомнения: она узнала голос, который слышала полтора года назад. Радость буквально ослепила ее лицо.

— Наконец-то,— сказала она с полной откровенностью, протягивая Муратову руку.— Почему вы так долго не появлялись? Я просила Марину.

В несколько дней Гизна, словно вознаграждая людей Земли за свое долгое молчание, раскрывалась с ошеломляющей быстротой.

Муратов понял, что она сказала:

— Я действительно— раздался позади них.— с трудом подбирая слова.— Я очень рад видеть вас.

Марина улыбнулась его прозрению.

Гизна не улыбалась. Она не выпускала его руки и смотрела прямо в глаза тем же пристальным взглядом, как тогда, в выходной камере заводского, точно собираясь что-то спросить или сказать.

И молчала.

Но она видела, что Муратов понимает ее язык. Что же мешало ей задать вопрос?

— Мне жаль,— сказал он, так и не дожидаясь ни одного слова с ее стороны,— что я не могу раньше исполнить ваше желание.

— Почему совет Стюарту и действительно испытывая затруднения в подборе слов, он, будто нечаянно, вставил в свою фразу несколько испанских.

Гизна не перешагнула. И по ее лицу нельзя было определить, узнала ли ее испанский язык в устах Муратова или нет.

— Вы были у нас?

Муратов понял, что она имеет в виду Полтаву.

— Она чужая спросить, видел ли я ее рисунок в альбоме,— подумал он.

— Да, был.

Гизна отпустила его руку.

Совету директора сообщила о приземлении посадочной ракеты с корабля, прибывшего с Луны. Это и был тот корабль, которого они ожидали,— шестая лунная экспедиция.

Марина передала сообщение Гизноу.

— Вы так же и ответили мне,— спросила гостя,— сколько человек участвовало в этой экспедиции?

— Восемнадцать.

— Прибыли только они? Других пассажиров нет в посадочной ракете? Пусты раз!

Слова посадочной ракеты Гизна сказала по-испански.

Марина не решилась ответить на том же языке. Стюарт рекомендовала ей поступить осторожно. Гизна могла проинстинктивно два испанских слова нечаянно, сама того не заметив.

Посадочная ракета опустилась недалеко от вокзала. Подали трап, и один за другим на Землю спустились пассажиры. Их было хорошо видно.

— Я сейчас вернусь,— сказал Муратов.— Подождите меня на этом месте.

Он пошел навстречу Сергею.

Марина заметила, что Гизна про себя считает выходящих из ракеты. Когда вышел последний, восемнадцатый, она вздохнула явно облегченно.

Получалось, что девушку много мира тревожил вопрос: все ли вернулись с Луны?

— Неужели! Неужели только для того, чтобы самой убедиться в этом, она приехала сюда!

Муратов и Синицын встретились на половине дороги. Объясним.

— Итак,— сказал Виктор.— снова ни с чем!

— Как видишь,— недоуловленным тоном ответил Сергей.

— Это что же, по выражению твоего лица я должен видеть?

— Знаешь ведь,— Синицын не улыбнулся шутке товарища. Его лицо оставалось хмурым.

Муратов внимательно посмотрел на друга.

— Стюарт сказал, что эта экспедиция последняя.

— Знаю. И не согласен с их решением.

— Вас встречает Гизна,— сказал Муратов, узернений, что эти слова поразили Синицына.

— Но он ошибся. На лице Сергея ничего не отразилось при этом известии.

— Зачем ей это понадобилось?— спросил он равнодушно, явно не интересусь отводом.

— Загадочная история.— Муратов коротко рассказал о последних событиях, связанных с Гизной.

Синицын и тут остался равнодушным.

— Об этом стоит подумать,— только и сказал он.— Знаешь, что, Вита, не говори со мной о Гизне. Меня раздражает даже звук ее имени.

Я не знаю причин ее молчания, но когда подумаю, что стоит ей захотеть— К приближению подошла Стюарт.

— Ты где остановился?— успешно спросил Синицын.— Ага! Я приду к тебе сегодня вечером, часам к восьмью. И тогда мы подробно поговорим обо всем. А сейчас, извини, некогда.

Муратов отшел.

Разговор между Мариной и Гизной, который он несколько минут назад слышал, непровержимо доказывал, что Гизна интересуется результатами лунных экспедиций, что не случайно оказалась она в Селене именно сегодня.

Знает, все знает!

Он медленно подошел к обем девушкам. И неожиданная мысль пришла ему в голову, заставив его на мгновение остановиться: «А что, если спросить Гизноу прямо!»

Он неуверовал, но настолько задает себе этот вопрос, что решение иже уже принято. Нет никаких сил сдерживаться и чего-то ждать. Стюарт и учный совет чрезмерно осторожны. Что плохого может произойти! Ну, не ответит и только.

«Э! Будет что будет!»— подумал он.

— Гизна!— От волнения Мариню не заметил, что говорит по-испански.— Я очень прошу вас ответить мне на один вопрос. Он очень важен для нас и очень важен для меня лично. Вы должны ответить, если вы мне друг. Искусственные спутники, направленные к нам нашими соотечественниками, находятся сейчас на Луне?

Марина в полной растерянности, но с тайной радостью услышала этот неожиданный вопрос. Ее брат решительно и просто разрубал завязавшийся узел.

Гизна опустила голову. Она поняла все, что сказал Виктор, и не скрывала, что поняла. Было видно, что в ней происходит какая-то мучительная борьба.

А когда наконец она подняла голову и посмотрела на Виктора, он увидел, что длинные темные глаза гости полны слез. Никто никогда не видел, чтобы Гинзя плакала.

— Да,—ответила она едва слышно.

Муратов перевел дыхание, волнение душило его.

— Почему вы молчали?—спросил он, с трудом справляясь с голодом.— Вы же знали, как это важно для нас.

Она отвела глаза вниз.

— Я боялась. Я хотела сказать давно, но вы все не шли. Но теперь я не боюсь. Я давно поняла, что Рязгаз был прав. Я погубила себя, но сплано это все.

5

Седьмая экспедиция на поиски тайственных спутников-разведчиков собралась быстро. Теперь больше чем когда бы то ни было следовало торжественно. Там же, на ракетододре, после долгого и тщательного молчания, Гинзя прибыла несколько позже, имевших огромное значение для космической службы.

Ответа, вероятно, неожиданно для самой себя на вопрос Муратова, Гинзя не получила ухаты. Она лишь сказала давнейшим вопросам с его стороны, быть может, жалея о своей открытости, была расстроена и сильно взволнована.

Муратов проводил их до веномобиля. Он понимал, что нельзя спрашивать Гинзю ни о чьей она не ответит. Больше ни на один вопрос. А ему хотелось и было очень нужно задать ей этот вопрос, единственный и чрезвычайно важный.

И вдруг Гинзя сказала сама, сказала именно то, что он хотел спросить. Увидев сидя в машине, она протянула ему руку, впервые ответила на пожатие, как-то робко и застенчиво улыбаясь.

— Я должна предупредить вас,—сказала она так тихо, что он едва расслышал.— Будьте очень осторожны. Наши (она произнесла длинное слово на своем языке, очевидно, означавшее «спутники» или другое, более правильное название разведчиков) опасны, и к ним нельзя приближаться. Уничтожьте их!

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза. Страдаческие складки легли у ирвев ее губ, и все лицо Гинзи показалось вдруг постаревшим.

— Позвезайте же!—шептала она Марине.

Веномобиль уехался. Виктор остался один. Он долго смотрел вслед машине. Сердце успокаивалось, билось ровней и медленней.

Итак, полный успех! Порыв, необдуманный и рискованный, дал неожиданный результат. Спутники— на Луне, и Гинзя сама советует уничтожить их, не приближаясь.

Муратов отравился искать Стюа.

Председатель ученого совета и участники шестой экспедиции еще не уехали из космопорта. Сообщение Муратова было встречено всеми с удивлением и радостью.

Несколько часов спустя Муратов долго разговаривал по радиотелефону с сестрой. Марина рассказывала, что Гинзя сразу по приезде домой легла в постель и просила не тревожить ее.

— Она выглядит спокойной, но очень мрачной. Что-то угнетает ее, дышит покое. Мне кажется, она раскаявается в том, что сбросила маску.

— На каком языке она разговаривает с тобой?—спросил Муратов.

— На своем, как всегда. А я не решаюсь заговорить с ней по-испански.

— И не надо. Она сама скоро перейдет на испанский язык. Вот увидите.

— Гинзя хочет сегодня уехать.

— Куда?

— Ей безразлично, лишь бы подальше отсюда.

— Да, я понимаю. Она мучается, нарушив закон своей родины. Но ведь ты сама слышала, как она сказала, что давно решила стать открытой и что ей мешало мое отсутствие. Чем ты это объясняешь?

Марина ответила не сразу.

— Может быть, здесь играет роль твое сходство с ней.

— Так можно додуматься до того, что Гинзя любит меня.—Муратов улыбнулся, вспомянув реплику Сергея на ракетододре.

— Возможно, что это и так,—совершенно серьезно ответила Марина. — Чепуха! Когда-нибудь мы узнаем причину ее особого расположения к тебе. Это очевидно загадка Гинзи. Значит, сегодня вы уезжаете!

— Да. Я предломила ей посетить Японском острове, где она еще не была. И Гинзя впервые согласилась лететь. Ей, очевидно, не терпится поскорее уехать отсюда.

— Ну что же,—сказал Муратов.— Счастливого пути! И еще два слова. Предсказываю тебе, что Гинзя очень скоро снова об мне вспомнит. Она заговорит и захочет рассказать обо всем.

И они выключили радиотелефон.

И в тот же вечер пришло письмо. Оно было от Гинзи.

— Ну что же,—сказала Муратов.— Счастливого пути! И еще два слова. Предсказываю тебе, что Гинзя очень скоро снова об мне вспомнит. Она заговорит и захочет рассказать обо всем.

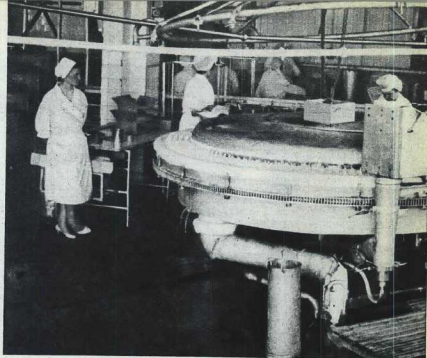
И они выключили радиотелефон.

И в тот же вечер пришло письмо. Оно было от Гинзи.

— Ну что же,—сказала Муратов.— Счастливого пути! И еще два слова. Предсказываю тебе, что Гинзя очень скоро снова об мне вспомнит. Она заговорит и захочет рассказать обо всем.

И они выключили радиотелефон.

И в тот же вечер пришло письмо. Оно было от Гинзи.

МЕТНИ

Оказывается, сводки погоды волнуют не только летчиков и мореплавателей. Весной и летом, когда капризные циклоны и антициклоны то и дело меняют палачий зной на дождливую прохладу, цистермы итредусуются... ну, кто вы думаете? Морозенщины!

Ведь в жаркий день в Москве, например, продается до двухсот тонн мороженого. А когда попрохладнее, фабрики мороженого получают пе-

редшкю. Но даже зимой, в самые трескучие морозы, не переводится народ у прилавков своих лотков с далеко не самыми лакомствами. Четверо хладомобиновта бесперебойно превращают в удивительно «вкусную прохладу» цистермы молока, вагоны масла, сахара, яиц, фруктов.

Еще Илф и Петров не были основаны ситали, что статистика известно все. Известно им, и сколько сортов мороженого существует на белом свете. Говорят, что в одной Москве — около сенидести. И все объединены одним общим свойством — они вкусные. Между прочим, московское мороженое можно попробовать не только в Москве, но и в Праге. Наши чешские друзья ежегодно закупают продукцию московского хладомобиновта № 8.

На этом комбинате множество автоматов. Один аккуратно одевает брикетки в вафли и потом заворачивает их в цветастую бумагу, другие реализуют фруктовую смесь в бумажных стачкинях... А вот еще один автомат — большой круг с множеством маленьких чашек. Из каждой выглядывает небольшая палочка. Ну, конечно же, он делает эскимо, даже заворачивает его в блестящую фольгу! И все это без прикосновения человетских рук.

Когда готовился этот репортаж, товарищи, работники производства мороженого, волновались:

— Вы уж, пожалуйста, без реламы, в то у нас сейчас запара... Сами понимают, жара...

Но вред ли нужна реклама этому посланию холода, который, как утверждали историки, был завезен в Европу из каких-то экзотических стран самим Марно Поло.

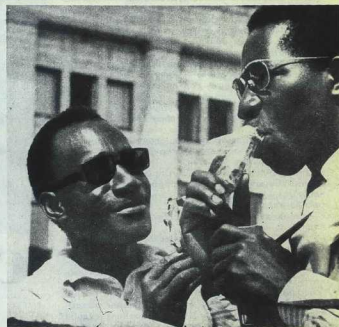

(Продолжение следует)

И СЕГ

Фото
Э. ВИКТОРОВА

Ч Е М П И О Н,

ты бесконечно верить в детей, а дети должны быть достойны своих отцов».

Сергей уже не помнит, где и когда он впервые услышал эти слова. Он поставил их зенитом в своем диване. Выгисал зенитную фразу на титульном листе толстой учебной тетради и два раза подчеркнул жирными красными линиями. Это значило, что слова выбраны не случайно, и он, Сережа Лопатин, придет на большое, может быть, исключительное значение.

Тогда ему исполнилось тринадцать лет. Отец уехал в Иваново на первенство страны. Сережа и мать, Лидия Сергеевна, ждали ловили вестей оттуда. Знали: соперники ослышка. Но однажды вечером радио успокоило их: чемпионом СССР в легком весе стал Евгений Лопатин с хорошей суммой—347,5 килограмма.

— Молодец, папал! — подпрыгнул Сережа и от радости даже захопал в ладоши.

— Да, папка у тебя молодец! — спокойно подтвердила мама.

Что будет дальше, Сережа уже знал. Так оно и случилось: мать достала семейный альбом и стала задумчиво листать его. Довоенный Ленинград. Отец, совсем еще молодой безусый, в форме курсанта артиллерийского училища. Под фотографией дата, 1939 год. Год, когда родился Сергей. А в следующем Евгений Лопатин стал мастером спорта. Ему прочили громкую славу и большие успехи. Ветеран тяжелой атлетики Александр Бугаров писал в те дни: «Среди молодежи лично мне больше всего нравится Евгений Лопатин. Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что через год он станет атлетом мирового класса».

Ровно через год начался война. Курсант Лопатин уходил на фронт. Сережке тогда исполнилось два года. Мать держала его на руках, протискиваясь сквозь толпу к шезелю. Было шумно и жарко. Играл оркестр. Рез труб заглушал сдержанные рыдания женщины.

Отец увидел их издаലെ. Спрыгнул на землю, схватил Сережку на руки, подбросил высоко к небу. Мальчишка испугался, сирывал губы, но не расплакался.

— Мой характер, — сказал Евгений жене. — Ну ладно, до скорого свидания.

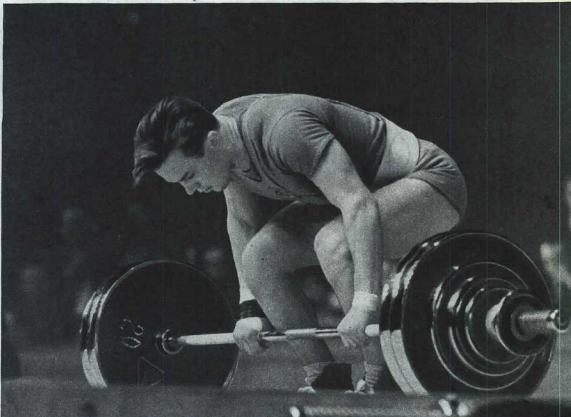
Но, увы, свидание вышло нескорым. Год Лидия Сергеевна с самым провалом в осажденном Ленинграде. Рыла окопы. Демурила на крышах. Голодала. Только в конце 1942 года вместе с тысячами других их вывезли через Ладогу в Саратов. Здесь совершенно случайно встретили они мужа и отца в одном из госпиталей. Евгений Лопатин выдвинулся тяжело и долго. Потом военная судьба носила его по разным местам. И снова он был без семьи, а семья без него.

После войны Евгений Иванович вновь вернулся к любимому виду спорта.

— Жизнь показала мне, что сильнее да закаленному всегда легче, — объяснял он свое решительное товарищам. — Ну, и пороха еще, признается, хватает.

Справедливость этих слов он подтверждал делами — стал чемпионом страны и Европы, завоевал серебряную олимпийскую медаль в Хельсинки, уступил первое место издохшимся в расцете сил Томки Кюю. И хотя он проиграл, пресса и радио уделяли ему большое внимание. Одна из влиятельнейших спортивных газет поросила Евгения Ивановича вместе с десятью другими выдающимися атлетами ответить на вопрос: «Что выдумаете о будущем тяжелой атлетики?» я верю в безграничные возможности человека», — писал тогда Лопатин, — верю в неудержимый прогресс покорителей штанги. Сегодня американец Джордж стал олимпийским чемпионом в полусреднем весе с суммой 400 килограммов, а средневес Трофим Ломжин завоевал это звание, взяв 417,5 килограмма. Уверен, пройду годы, и побольше результаты окажутся подавляющими и лаконичными. Так будет. Обязательно будет!» Газета, не начатавшая это интервью, снабдила его выразительным заголовком: «Серебряный медальист фантазирует». А через три дня в статье «Мечты и реальность» известный специалист штатный американец Боб Гофман писал по этому поводу: «Человеческие возможности действительно велики, но не безграничны. Лично мне кажется, что пройдет еще не одно десятилетие, пока спортсмен легкого веса сумеет провалить четырехсоткилограммовый рубеж...»

А в октябре 1960 года в Риге на первенстве Вооруженных Сил СССР советский спортсмен-

СЫН ЧЕМПИОНА

легковеса впервые достиг рубежа 400 килограммов. Им был Сергей Лопатин.

Думал ли тогда, в Хельсинки, Евгений Иванович, что так оно случится? Честно говоря, нет. Сын перенес страшный год ленинградской блокады. Мать с отцом всегда немного опасались за его здоровье. Они поощряли его детские игры и забавы, учили плаванью, вместе ходили на лыжах, но о Большом спорте даже не говорили.

Перед Олимпийскими играми семья переехала из Саратова в Москву, а в 1953 году Евгений Иванович, получив тяжелую травму, оставил полост. Он стал тренером «Динамо» — общества, с которым связана вся его спортивная биография. Новая работа целиком захватила его.

А сын начал заниматься гимнастикой. Гимнастический зал находился по соседству с владениями тяжелоатлетов, и Сергей регулярно после тренировок заходил к отцу. Он «бавовался» грими, с удовольствием поднимал штангу и с жадностью слушал все, что объяснял отец своим ученикам.

Дома Евгений Иванович, не скрывая своего удовольствия, рассказывал об этих посещениях жене.

— Взял бы ты его к себе, — говорила каждый раз Лидия Сергеевна.

— Рано, — решительно возражал Лопатин-старший. — Как почувствую, что жить он не может без штанги, ману. А насильно не стоит.

В 1954 году отец «почувствовал». С этого момента сын стал заниматься у него в секции, стал его учеником, его надеждой. Через год Сергей впервые принял участие в соревнованиях на первенстве московского «Динамо». Он выступил в лучшем весе и занял первое место, подняв в сумме 200 килограммов.

Порога к спортивному подвигу длинна и трудна. Но если рядом отец, все идет так, как надо.

Фото А. БУРДУКОВА

— Ну вот, сынок, — сказал Евгений Иванович — первый шаг сделан. Каждый последующий будет все труднее и труднее.

— Знаю, батя, — отвечает Сергей. — Такие вадто не все нелегко. Служи, скажи мне, покажуется, ради чего ты лично сражался за рекорды, за новые килограммы?

— Сначала просто хочешь быть сильным. Потом самими сильными, а когда понимаешь, что впереди много большого спорта, уже не принадлежишь себе самому. За тобой Родина. В твоих руках ее спортивная честь и спортивная слава. Сначала ее спортивная честь даежт муторно. Но если ты любишь ложающийся свою страну, если тебе хочется победы, ты не жалевшь себя и рывьешься вперед. Это как в бою, как в ответной атаке. Трус ничего не добьется. К цели приходишь труженник и героин!

— Трусом, батя, я не буду, — сказал Сергей. Через три года он стал чемпионом страны среди юношей и одним из первых среди легковесов страны выполнил новый норматив мастера спорта. В 1959 году на Спартакиаде народов СССР с результатом 370 килограммов занял шестое место и, по его меткому выражению, «кустрился к красавицу на пьедестале почета. А через год удавил спортивный ялик, взял «космическую» высоту в 400 килограммов. Вслед за этим он получил звание олимпийского чемпиона в таком неожиданном и таким захватывающем, что многие журналисты и у нас и за рубежом назвали это «сенсацией номер один». Они спрашивали друг друга: в чем же состоит? Об этом можно было бы говорить много и долго. Но лучше всего побить на одной из его тренировок, на одной из тех, что заполняют дни и месяцы его жизни.

Зал, куда входит Сергей Лопатин и где уже сидит его отец, заслуженный мастер спорта Евгений Иванович Лопатин, чем-то удивительно напоминает хорошо оборудованную лабораторию. На полу, отлаив серебро, выстроились, как солдаты, ряды стоек, на которых висят различные ставленные по полочкам, свергают разборные гантели и имитационные стальные планки. Вдоль стен по полочкам вытнувшись зеркала.

Потолок бывает стелен, точно знающего, что так нужно сделать, Сергей Лопатин подходит к весам. Прежде всего сам проверяет. Затем разминка: маршировка, бег, прыжки, отжимы, прыжки со скакалкой. Потом начинается основная часть занятия.

Я видел, как занимаются легкоатлеты и футболисты, конькобежцы и стрелки, хоккеисты и пловцы. Я видел, как по асфальтированной дорожке мчатся московские хоккеисты, как вальсы пляшут в снег, в жару бегут спортсмены представителям сил различных видов спорта. Я знаю, что всегда, во всех видах, тренировки для человека, который хочет добиться успеха, — это напряженный, самоотверженный, тяжелый труд.

И все-таки нигде так отчетливо, так зримо не ощущаешь это, как в тяжелоатлетическом зале... Глухо, точно бивая в невидимые стены, падает на дощатый полоник так же, как в штурманском зале, как в танковом, как в танковой школе. И все-таки блины: мякоть, как колокольчики, бранчат двухсотпятидесятиграммовые, шумо создают, будто кто-то выстрелил из пистолета, двухсотпятидесятиграммовые солидно кричат, как танковомаршмочки. Взлетают вверх стальные грибки, поднимаются сильные мускулы. Пятна пота проступают на майках.

Иногда даже в этой привычной атмосфере самостоятельного труда Лопатин выделяется своей самообранностью, неутомимостью и какой-то особой работоспособностью. Вот он подошел к штанге, на которой установлено 80 килограммов. Выполнив два приседания в полминуты, Правильно — 10 килограммов. Снова два приседания. Еще приседания еще. После каждого движения он подходит к лежащему на подножнике блоку и вытирает в нем пот. Потом снова приседания, потом поднимает штангу. Занятия упрямление, пошел по кругу широкой, нетерпеливой походкой.

Прошла минута, не больше, и Сергей снова подошел к снаряду. Теперь он выполняет новое упражнение — берет штангу в грудь, поднимает ее. Штанга все полнеет, каждый раз она кажется, что взлетит на — предел, но Сергей все продолжает называть блины не гриды и записывать новые результаты в своем блокноте. Потом снова поднимает штангу. Упорный, — говорит а Евгению Ивановичу.

— Уто у него есть, — соглашается он. И рассказывает историю, которая открывает еще одну черту характера Сергея Лопатина.

В одной из тренировок он получил тяжелую травму.

Результаты резко пошли вниз. На первенстве Москвы он едва набрал 350 килограммов. Каждая тренировка была для него не радостью, а мучением.

— Остановись, Сергей, — говорил ему Евгений Иванович — отдохни год.

— Не останавливался! — отвечал он. — Ты вадфронтально рванул! Рывалки не мучила тренировка! И разве не ты говорил при этом: вот лучшая форма закалил волли! Так почему же я должен останавливаться!

Он не останавливался, на ходу залечивал травму и продолжал тренироваться. А через год мир увидел плоды этой работы: в Риге он сделал исторические 400 килограммов, спустя несколько дней в Уфе впервые завоевал звание чемпиона СССР, а в марте 1961 года поднял старшую мировую рекорд — 407,5 килограмма.

— Евгений Иванович, — продолжал я попытаться у отца, — а что ваш сын любит, кроме спорта?

— Он решил, по-видимому, следовать мне во всем — на без родности отвечает Лопатин-старший. Закончил военное училище, стал младшим лейтенантом, а сейчас готовится к поступлению в военно-инженерную академию. Очень любит литературу. Частенько просит музыку. Много занимается. Скончил Высшую школу тренеров. А ведь ему еще нет двадцати четирых... Я смотрю на часы и капаю головой.

— Что, надоело? — спрашивает Евгений Иванович.

— Да нет, все очень интересно. Но как у него хватает выдержки, настойчивости, откуда берется эта способность вот так изо дня в день работать, работать, работать!..

— Конечно, к этому надо привыкнуть, воспитать в себе такую твердость — соглашается Евгений Иванович. — Далеко не каждый, а вернее, очень немногие из наших спортсменов могут переносить такие нагрузки. А Сергей может. Долгие годы мы приучили его к этому. Он начинал с полчасовых уроков, постепенно прибавляя к расписанию по несколько минут и по несколько килограммов лишней нагрузки. Вот перед вами тетрадь (он снял с полочки и развернул ее), в которой записаны все тренировки, от самой первой до самой последней.

...Когда тренировка заканчивается, я снова смотрю на циферблат. Стрелки показывают половину третьего. Следовательно, занятие продолжилось три с половиной часа. За это время Сергей сделал семьдесят подходов к штанге, выполнил ряд специальных упражнений и поднял в общей сложности около тридцати тонн.

И за все мы вышли вместе. Говорили о планах. Сергей сказал:

— Через месяц соревнования на приз Москвы. Я встречусь так с моим постоянным соперником и другом, чемпионом и рекордсменом мира Владимиром Капалювым. К этой встрече надо быть готовым особенно хорошо.

И вот в марте я увидел его на залитой светом арене цирка. Как зритель, я пришел посмотреть единоборство двух сильнейших легковесов страны и мира. Не стану рассказывать о всей борьбе. Скажу лишь, что жима Сергея побил мировой рекорд Капалюва. В рывке превалил мировое достижение поляка Божанковского. А в итоге набрал невандящую сумму — 417,5 килограмма, которая была его третьим за этот вечер рекордом! Стал первым из сильнейших. А Сергей стоял на помосте с поднятыми вверх руками, и капельки пота стекали у него по лицу точно так же, как капельки наезд на тренировку. Два человека в огромном Дворце спорта сидели как зрители, а сам Сергей — на цифру 417,5. Один из них был американец Боб Гофман, не веривший здесь лет назад в реальность такого результата. Другим был Евгений Иванович Лопатин — тот, кто назвал ее, именно ее, олимпийской лет назад...

Домой он вернулся поздно. По своему обыкновению, Сергей шел за дневник, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, описать впечатления минувшего дня. Но их было так много, что он не знал, с чего начать, сидел, упирая голову на сильные широкие ладони. Стел по настольной лампе падал на его лицо, на стол, на тетрадь, где, отчерпнутые красным карандашом, отчетливо выделялись слова:

«...Я бесконечно верю в своих детей, а дети должны быть достойны своих отцов...»

Мисурочка... для бетона

С виду она похожа на обыкновенную бетономешалку: по направляющим рельсам забирается бетономешалка в железный барабан загруженный песком, цемент и щебень — составляющие бетонобетон. Барабан вращается и перемешивает смесь до тех пор, пока она не станет однородной по составу.

А теперь начинается самое интересное. Если в бетономешалке готовый бетон из выходящего отверстия попадает в лоток автомашин, то в новой установке — бетономешалка — бетономешалка — бетономешалка, в котором вращается массивный стальной шнек. Непрерывно вращающийся шнек гонит бетонный раствор и превращает его в бетонную смесь, которую можно использовать для изготовления железобетонных изделий. Шнек имеет форму, позволяющую ему выдавать бетон в виде тонкого слоя квадратного, прямоугольного или круглого сечения. Успехом удается отрезать куски нужной длины и отправлять бетонные «метелки» — бордюры, решетки, ступени, плиты — для застывания и твердения.

Поиски угля под морским дном

С борта английского судна «Спарнер», специально оборудованного для этой цели, непрерывно ведется поисковая разведка наменютоульских бассейнов, расположенных в мелководных водах шельфа в Нортугберланде. Было обследовано не только дно моря, но и его пласты до глубины 100 метров. В результате проведенного околоразведки построены временные временные разведочные скважины, из которых отмечено дно моря и картина залегания осадков. Всего таких образцов обследовано 1500 кило километров профинансировано.

Планивание «Спарнера» показало, что морские скважины — это просто и обходится весьма дешево.

Электронномикроскопическая живопись

Оригинальное применение электронного микроскопа — это электронная живопись. Они представляют наиболее интересные изображения, наблюдаемые при исследовании различных объектов, используемых в качестве готовых репродуктивных рисунков. Связано — сдало. Первыми на вооружении это открытие взяли любители ультрамикроскопических были выпущены галстуки, украшенные успехом рисунком. С не меньшим успехом расцветки, полученные электронномикроскопическим способом, используются и при набивке тканей.

Тарантелла и тарантулы

У этих двух слов — один корень. Ни тарантелла ни тарантула, между собой. Танец тарантелла, появилась на свет на юге Италии в начале нашего тысячелетия, как... средством от укусов тарантулы — ядовитой паукообразной паузы, что если человек, укушенный этим пауком, исполнит ритуальный танец тарантелла, то будет спасен. В XIII—XIV веках танец распространился по всей Италии, уже утрачивая к этому времени свое «лебенное» соебство. «Тарантелла» танцевалась в деревнях и городах до срежяк всевозможных празднеств.

Будущие биологи собирают планктон—растительные организмы, обитающие в водоемах.

Ирония трасса Минского шоссе, сделав у Звенигорода поворот, пересекла знаменитый лес биологической станции МГУ. Еще один поворот, спуск к Москве-реке — и привало в лесу. У берега, вьется извилистая среди больших новых деревянных домов.

— А где же студенты? — спросили мы у подростков, направлявшихся в сторону реки.

— На занятиях. В лесу, в поле, у реки.

Лес — это первое, что радуется биостанции. Навытоптанная трава, густой кустарник, старые дубовые сосны, ель, березы и всюду голоса птиц. Звенит, мелодично свистит над головами нольги, с резким тревожным криком черны пролетают пролетели сойки.

Под яром у реки встретилась первая группа студентов. Вооружившись биноклями, они рассматривали маленькую серую пчелу. Здесь, в лесу, известны все гнезда птиц — живые и заброшенные, а на скворечниках и дуплянках четкие видны номера. Все первичные обитатели на учете, и с ними немало хлопот: весной надо устраивать «неартчи», летом охранять их, потом нользовать птенцов... Но самое главное — студенты должны научиться легко определять птиц в природе.

По просекам, тропинкам, через ограды уходит группа студентов. Они — будущие хозяева лесов и вооружены самыми необходимыми орудиями: биноклями, бинолинами, фотоаппаратами. Биолог должен знать всю природу, знать, как родной дом. Поэтому студенты изучают не только птиц. Все, что растет на земле, все цветы, травы, лишайники, мхи, кустарники и деревья — все, что живет в воде — от простейших водорослей до рыб, — все должен знать, во всем должен разбираться биолог.

В лесу и около реки мы встретили еще несколько студенческих групп. Они делили рыб, другие, оружив небольшой прудик, забрасывали в него планктонные сетки. Непосвященному человеку может показаться, что все это почти детская забава. Вероятно, этому учат в каждой школе и да и нет.

Иной мир природы так разнообразен, формы его так сложны, что подробное изучение их оказывается бесценным, чем практическое освоение, например, фундаментальных основ сельского хозяйства.

Недаром практику в Звенигороде проходят второкурники, а после первого курса студенты едут в Чашинково. Там в первое студенческое лето они знакомятся с тем, что হচ্ছে: учатся определять насекомых и растения, под руководством специалистов осваивают методику выращивания культурных растений, знакомятся с породами скота, с сельскохозяйственной техникой, учатся оценивать качество почвы. Истаети свдзать, биологическая станция в Чашиннове — это огромное хозяйство со своими полями, садями, техникой и исследовательскими лабораториями. Там готовят свои работы студенты-биологи и аспиранты. Там они разрабатывают такие темы, как выведение новых сортов растений, борьба с вредителями сельского и лесного хозяйства, повышение урожайности разных культур.

В Звенигороде студенты выполняют первые самостоятельные работы. Здесь

МОСКВА—ЗВЕНИГОРОД,

закладывается основа их будущей творческой деятельности. Это понимают все, и в группах, которые мы встречали, не было скучающих или безразличных...

В полдень мы пришли на базу биостанции. Из экскурсий возвратились и студенческие группы. Все буднично, но и обычно, обед, отдых. До семи — занятия в лаборатории.

Нас пригласили в комнату и молодому студенту биолога, а теперь сотруднику биостанции Ю. Свиричу. В большой комнате мало света, но это, видимо, предусмотрено во хлелином. На белом потолке и в углах стен красками изображены огромные летучие мыши. Снега, из зеркала на стену, смотрит крупными, настороженными глазами филин. Оттуда он и зеркала Мы не сразу догадались, что это — отражение рисунка, сделанного за углом реки. Недалеко от она — большая деревянная скульптура многого пернатого животного. Три стены залешаны линграворами. Глухарь, тетерев, исполовые и другие птицы изображены на рисунках на темном фоне, среди светящихся растений. И все это сделано с большим вкусом, с большим художественным чувством. Вдоль четвертой стены за стеклом лингги, мхи и лишайники. Хозяин комнаты застенчиво улыбается, показывает нам свою работу по ноности. Все в этой комнате сделано его руками. Днем он ведет студенческие занятия, а когда другие отдыхают, он

На биостанции, в лабораториях факультета проводятся сложные исследования и наблюдения. Студентка Гарбова Лиличка Левина (мысли) готовит курсовую работу по физиологии растений. Интересные опыты с условиями рефлексии проводятся на объектах. Иногда их привозят в Ботанический сад МГУ и дают поликомиться сочной ягодой.

Частью гости биостанции — школьники. Они помогают студентам «собирать» заповедный лес. Работая взяли на себя заботу о птицах.

Группа студентов и аспирантов — Николай Гусев, Римма Ермакова, Инна Яшкина, Николай Квасковски, которых вы видите на снимке справа, исследуют влияние качества света на рост и развитие растений, а Толя Иоаница, вооружившись фотокамерой, «замотитесь» за интересной иллюстрацией к своему курсовому заданию (снимок справа внизу).

творит, и плоды этого творчества можно смело показывать на любой выставке. Он не один такой из выпускников университета. Много, очень много их, талантливых, сильных, развлеклось по всей стране! Заенигород — светлая страница в студенческой жизни. Через Заенигород проходят все специальности от избранной узкой специализации до самых широких биологических образований.

Мы назвали наш фотопортрет «Москва — Заенигород, далее везде...». Факультет в Москве и биостанция в Заенигороде — два узловых пункта, от которых во

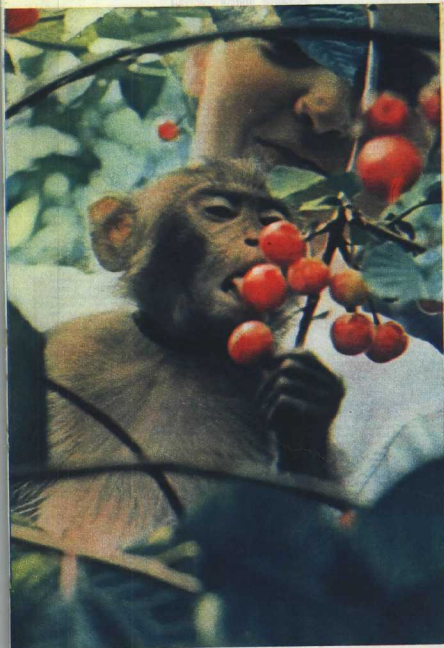
все концы страны разъезжаются студенты и выпускники. Биологическая станция на Белом море, Новосибирское отделение Академии наук, институты и станции в тундре, тайге, степях, пустынях, у моря... Вышедшие студенты факультета возглавляют новые лаборатории и институты, преподают в школах и вузах, работают в совхозах, колхозах и медицинских учреждениях. И нет среди них такого, кто не вспоминает Москву, университет и, конечно, Заенигород...

Р. ДОРМИДОНТОВ,
И. ИСАЕВА

ФОТО В. ТЮККЕЛЯ

ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ...

Романы без вранья

Осминого и его соворини стали частыми гостями на страницах популярной печати. Читатели подражали. Он уже не думает, что осминого — вымышленный персонаж, вокруг которого на дином берегу океана топятся озабоченные души.

Знает читателя и то, что за осминогом давно полагают необычайные творческие способности. Марсиане, которые в «сувенирных» способностях труди победили жителей Земли, похосили именно на осминогого. Правда, роман Уэллса не преследовал на зоологические обозначения, это был предупреждающий: «Люди, если будете слишком умничать, превратятся в осминогого».

И все же там и там некое обращение к этому предмету. Золотил И. Ануиушкини, собравший улавливаемые сведения о жизни Осминогого в своей книге «Гриматы моря», имеет все основания для

«У него все есть: 1) восемь (или десять) мускулистых рук, а на руках 2) ножи и 3) сотни игл (состоит 4) обширный клюв и 5) пять 6) глаза зоркие, мал и острый, и 7) инфракрасное зрение; 8) режущий «двигатель» и 9) умение парить над морем; 10) запас воды за ползулой для плавучести по суше; 11) способность захваченных животных отбрасывать; 12) автономия (то есть способность отбрасывать и возвращать своим сильным врагом. — Д. С.) и 12) регенерация оторванных частей; 13) выносливость; 14) черепные «косты» отщепленные (имеется в виду искусственные «двигатели», которыми осминогого подсовывает своему преследователю, чтобы незаметно спрятаться. — Д. С.) и 10) ножи в мире мануфактур; 16) самый совершенный способ передвижения (он может спускаться в воду и вылезать на сушу). — Д. С.) и, наконец, 17) очаровательный и ослепительный «огонь».

Собой из этих пунктов, а их число можно упомянуть, заслушав отдельной книги, и вы не сможете отказаться, читая эти романы без вранья. Например, можно заметить о глазах осминогого. Они огромны и удивительно похожи на человеческие. Слово «удивительно» нестроительно энергично, прозвонил независимо от наших. Мы люди, не предки человека и предки осминогого вообще. Были бы глаза. Но вот прошли многие миллионы лет, и у организмов, происходящих от разных предков, получились столь похожие глаза, что даже муравьян бегут по ним.

Вы видите странное сходство, зачем не напомним о том, что не только человек, но даже лягушка имеют два огромных печальных глаза. Печальней! Вспомните, как бессимметрично в нашей карповичей коллоидный глаза раков и кур, рыб и стреноз. Но выразимся глаз осминогого осмысленно! И вы с тревогой и стеснением угадываете его...

Две вершины

Осминогого выводит огромное царство беспозвоночных животных подобно тому как привидения выводит позвоночных. Две огромных группы, две вершины. Мы и осминогого. Прямые — приматы — и «приматы» моря.

Слово «приматы» моря, которое мы будем применять расширительно, для лягушек, слогов,

Строго говоря, речь идет о целом классе головоногих моллюсков, в который, помимо осминогого, входят и дестинигого вездеходы: каракатицы, кальмары.

Даже при поверхностном взгляде видно, что осминогого развитым образом отделился от остальных моллюсков — своей формой. Мы, люди, должны признать, что у нас гораздо больше общего с другими позвоночными, чем у головоногих моллюсков.

А что общего у осминогого с речной лягушкой-беспокойкой? Каким сходством наделите вы у кальмара — сулитого, ползулой по листу? Головоногие выразились из своего тела, отграничив от медлительности и пассивности, «форса» равновью и приобрели стремительность и ловкость. Их выносливость, их образ жизни перестроились на новый, более совершенный лад.

Мы уже упоминали о необычайности их глаз. Но и чувствительный орган, сообщаящий в мозг строю у осминогого с помощью своего тела, по информированию о необычайности их способностей, известных только у позвоночных. И в этих трех полуживотных названиях, находящихся в трех взаимно перпендикулярных плоскостях и тому же конструктивному решению задачи, которое независимо было найдено эволюцией позвоночных.

Головоногие — практически единственные животные среди беспозвоночных и животных вообще приспособлены для хватания, уравнивания и захвата.

До строения похожи некоторые рыбы, некоторые млекопитающие и позвоночные животные. Так, например, лангусты и брачные рыбы имеют сходную осью, являющуюся аналогом. Самки головоногих моллюсков имеют аналогичную структуру и вентиляторы, выпускающие струи воды из своей оболочки. Часто они умирают от голода, едва только дети выйдут из инкубатора, но никогда не пользуются едой, пока дети не выуплывут.

И все же самое поразительное это мозг осминогого.

Мозг осминогого

О таком мозге хочется говорить стол и сняв шпату.

Честное слово, мне достаточно пришлось познакомиться с нервной системой разных животных. Выше, лежит перед тобой здоровенная морская ищущий-щупальца, и тут, в первую очередь, морские лягушки, и в лагу стренозих, наконец осминогого. Мы абсолютную уверенность знаем, никогда не сбиваемся, самаются и не забывают. Эти булавочные головки называются присосками. И все же самое поразительное — что их вату.

У осминогого же — мозг. И какой мозг! Это сложнейший массивный орган, для которого говоря создали специальный хорший термин. В нем есть доли и отделы, как и у нас. Мало того, сапожки, складки, углубления, которые имеют симметричный внешний отдел этого мозга. Это не так, как у позвоночных, подобно коре головного мозга высших животных, у них — выключенный, выключенный. Он с извилинами, этот мозг! Мозг осминогого имеет абсолютную массу мозга, или процент, занимаемый мозгом в общей массе тела, или соотношение между мозгом и телом, — по всем этим показателям человек занимает первое место. Превышение над обезьянами, а обезьяны займут свое место и обидно ряду высших позвоночных. Мозг же осминогого по любому из этих показателей превосходит мозг человека. По соотношению с другими моллюсками — безобразными вообщем.

Пересчитав нервные клетки у крупной виноградной улитки (мы берем ее по справедливости, потому что из всех обитателей моря она — из самых развитых), так вот, пересчитав у нас нервных клеток, мы с равной полнотой найдем тысяч являющих — тридцать. Осминогого миллион нервных клеток, а все в мозге, как минимум полтора миллиона! Без всяких художественных

ственных гипербоф! Можно спокойно сказать, что в мозге головоногих нервных клеток в тысячи раз больше, чем у самых развитых птиц этой планеты.

Человека, знакомого с микроскопическим строением нервной системы, должно удивить, насколько развиты мозги млекопитающих. Клетки распределены клеткой определенной формы, да и сама форма нервных клеток не такая, как у прочих моллюсков, а именно как у позвоночных.

Можно себе представить, на что должен быть способен такой замечательный мозг!

Давайте подтанцуем

Видно, человек так устроен, что ему обязательно хочется, чтобы где-то обитали другие разумные существа, с которыми, даст бог, можно бы учиться, пещи свои романы фантасты, об этом мечтают дети. И стар и млад хотят познакомиться с разумным существом нечеловеческой природы.

А вдруг разумные существа уже живут на нашей планете? Умные гиганты с печальными глазами и огромными руками, у них свои горы, они ходят друг и друга в гости, пичкут инициативу, неведомые деятельности, познания — так больше, рыбы, морские и нина заплывают. Они знают, что такое электричество, как использовать странные бесчеловечные способности, и нина в воде. По ряду признаков — способности и нина в воде. По ряду признаков — способности и нина в воде. По ряду признаков — способности и нина в воде. По ряду признаков — способности и нина в воде.

Славная картина!

А почему бы и нет? Почему только человек разумен?

Пронскижение человека вне разумного существа — очень сложная проблема. О ней не следует говорить торопливо. Но главные биологические предпосылки возникновения человека можно перечислить. Это, во-первых, более свободные (по сравнению с другими животными) руки, особенно крупные и развитые; мозг; и, в-третьих, использование огня. Но самое главное — это наличие исключительного пользование органами дощерики и шпату, а именно в животном царстве, говорящем о том, что осминогого размещает равновью, при помощи языка.

Человек — биологический продукт, что удачно сочетает биологические предпосылки лягушки в основу дальнейшей социальной эволюции, в ходе которой каждое новое поколение могло учиться трудной работе. Предшущих поколений, и этот процесс зареплицировался. Биологический аспект не так знакомый и физиологический, а в общественном сознании — биологический.

Не будем считать галлопом по Европам и широким шагом решать проблемы антропогенеза. Об этом писали для сходной эволюции.

Есть мозг — большой, хороший мозг, да с извилинами.

Есть гибкие и ловкие конечности, освобожденные от неэволюционированной работы, освобожденные от издержек, освобожденные от избыточной информации.

Есть великолепно развитая система, обеспечивающая триллионные разности движения.

Что же еще? Конечно бы, сочетаются все эти прекрасные качества и получают разумное существо!

Светик подает голоз

Но вот сидит бедняк. Он хочет окладить наш пил. «Первый», — говорит он. — Это пьется миллион — это все же гораздо меньше, чем миллион.

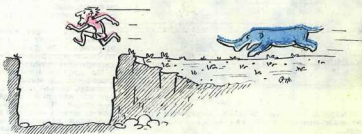
Не место красит человека, а человек место.

Рисунок Д. БЕЛОВА

— Лично я предпочитаю выступать по радио...

Рисунок Д. БЕЛОВА

Рождение первого репорта.

Рисунок В. ТЕСЛЕНКО

— Перебежку в соседнюю спортивную команду... Там мне дают голубятню со всеми удобствами и личный самолет!

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

Я САМ ПИШУ—ЧЕГО ЖЕ БОЛЕ?

Композитор Бесфантазии
Показы сивого и дога:
То дискуссия о дишае,
То собрание, то прием,
То отчет, то реферат,
То доклад, то доклад.
Както раз, придя с проваленья,
Композитор-активист
Вдруг услышал с увлеченьем
В доме грохот, шум и свист.
(Оказалось, дочь Аленина
Завела ренгтеноченку,
А на пленуме — танец твист.)
Композитор возмутился,
Победилел, засуетился:
— Где валял ты этот бред?
В магазине?
— Что ты! Нет!
В музыкальном магазине
Новых танцев нет в помине.
Потому в парке ради
— Стал пленум проводить —
Ведь нельзя же под дождями
И отчеты танцевать!
Композитор у Аленина
Отбавил ренгтеноченку,
Вынул нотную тетрадь.
— Буду сам теперь писать!
И улюю, ивацию, тоню
Написал... в горьдзавотдел,
Чтобы тот ренгтеноченку
Разбазарить не смел.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.

Тыше, Танечка, не плачь.
Не утонет в речке мяч!

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Первая страница обложки: Старшина водонапорной службы Адмиралтейского завода Станислав ШИРИКЕР. Другая называет его «повздорив асом». Вольный мастер своего дела, он воспитал много молодых специалистов. Фотоочерк В. Скина «Там, где рождаются великаны» см. на стр. 2-5.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаконка, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутират Е 1-70-20

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; студенческой молодежи — доб. 4-79; мемориальной книги — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; писем — доб. 2-53; науки и техники — Б 7-65-82; информации — Б 7-65-82; оформления — Б 7-51-32.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краский (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи на возвращаются.

Технический редактор Н. Вудкина.

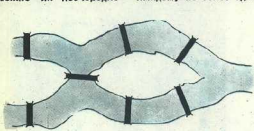
А 00161. Подписано к печати 7/VIИ 1982 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1466.
Заказ № 1902. Формат бумаги 70 × 108/16.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Кенигсбергские мосты

Известную задачу о мостах в Кенигсберге составил Л. П. Эйлер в 1736 году. Он поставил вопрос: можно ли поочередно

обойти семь мостов, соединяющих районы города с островом на реке Прегель, проходя по каждому не более одного раза?

Как разделить треугольник!

Попробуйте непрерывной линией разделить разобраный треугольник на 9 равных частей, не проходя более одного по одной и той же линии и не пересекая ни одной из них.

Пруд и четыре дерева

На берегу квадратного пруда в четырех его углах растут деревья. Попытайтесь увеличить вдвое поверхность пруда, не меняя места деревьев и не убирая их.

Четыре брата

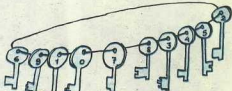
У четырех братьев 45 рублей. Если сумму денег, находящихся у первого, увеличить на два рубля, у второго — уменьшить на два рубля, у третьего — увеличить вдвое, а сумку, в которой располагается четвертый, уменьшить вдвое, то у всех окажется поровну. Сколько денег было у каждого?

Связка ключей

— Опять кто-то трогал ключи — вскрикнул командир завода. — Он хотел вынуть ключи, оставив ключи на кольце тремя группами, как это сделал я, но он не догадался, что в расположении ключей по группам у меня есть свой секрет. Число, которое я читаю по номерам ключей в моей первой группе, умноженное на число,

составленное по номерам ключей средней группы, даст в произведении число, читаемое по номерам ключей крайней правой группы. Попробуйте, не снимая ключей с кольца, одним передеждением так расположить их на три группы, чтобы было выполнено условие командира.

Вознаграждение

В одном старинном русском учебнике по математике есть интересная задача. Воину дано вознаграждение за первую рану — 1 копейка, за вторую — 2 копейки, за третью — 4 копейки и т. д. Всего воину получило 655 рублей 35 копеек. Сколько было ран у воина?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 15

«СКОЛЬКО ЛЕТ ПРОЖИЛ ДИОФАНТ?»

84 года.

«ПРЫМОК ОБЪЕЗЖАНЫ»

Она прыгнула с высоты 30 дюймов.

«РАСПУТАЙТЕ ЧИСЛА»

852х37=31524.

«РАЗБИТОЕ СТЕКЛО»

Решение изображено на левом рисунке. Но если допустить маловероятный на практике излом между цифрой и краем стекла, то может быть еще несколько решений; одно из них дано справа.

«ЗАДАЧА О ТЕЛЕФОНЕ»

Цель должна быть расположена следующим образом:

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

6. «Огонь». 9. Махано. 10. Гильян. 11. Алеко. 12. Шуберт. 13. Тендер. 14. Альфа. 17. Илимат. 21. Марья. 24. Аларья. 25. Рубилл. 29. Рельеф. 37. Курган. 38. Параня. 31. Асбест. 34. «Антар». 37. Станан. 38. Еримов. 39. «Фронт». 40. Алафрди. 41. Ирланд. 42. Сантин.

По вертикали:

1. Соната. 2. Форель. 3. Лягота. 4. Гафури. 5. Кагера. 7. Пляшка. 8. «Метеор». 15. Лидерин. 16. Фергана. 18. Лаура. 19. Мокид. 20. Талпа. 27. Мухта. 22. Белки. 23. Алюс. 25. Рагуша. 30. Нептар. 32. Стихия. 33. Ыюкнин. 34. Инфиса. 35. Трость. 36. Ретина.

КРОССВОРД

Составил В. ГАВРИЛОВ (г. Москва)

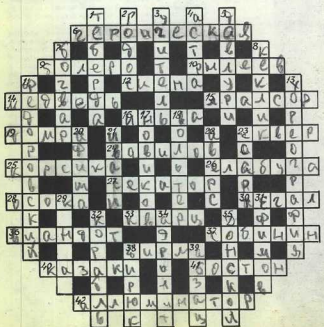
По горизонтали:

6. Симфония Бетховена. 9. Испанский танец. 10. Поэт-декабрист. 12. Одна из створчатых красок рисования. 14. Пьеса А. П. Чехова. 15. Соборное савро в Казахстане. 16. Приток Иамы. 19. Русский музыкальный инструмент. 23. Горюхой сад. 24. Советский ученый, разработавший теорию доминантного свечения. 25. Остров в Средиземном

По вертикали:

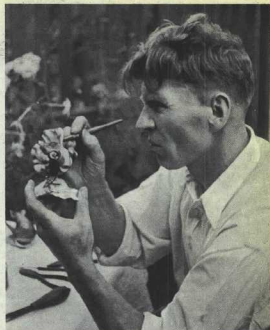
1. Курорт на силоне Вольского Каньона. 3. Остров в Эгейском море. 3. Фильм кинорежиссера С. Герасимова. 4. Цветок. 5. Грузинский народный танец. 7. Советский вегетарианец, академик. 8. Каменная куропатка. 11. Советский театральный художник. 13. Искусство танца. 17. Русский просветитель-наставитель журнала «Трутен». 18. Французский писатель и философ XVII в. 20. Театральное об-

явление. 21. Дальневосточная сардина. 22. Лицевая сторона медали. 23. Марка советского фотоаппарата. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 31. Народный художник РСФСР, организатор первого советского музыкального театра. 32. Крупное морское животное. 34. Каменный метеорит. 35. Советский кинорежиссер. 38. Рассказ И. С. Тургенева. 39. Азия. 40. Поэты И. Т. Толстого. 41. Один из крупнейших городов США. 42. Одно в борту судна.

Жил-был краб. В Тихом океане. Ничего себе краб: пятнистый, ирваносный, итероплиный. Захотелось ему познакомиться с человеком, поговорить с ним о том, о сем. Узнать, например, отчего такая яркая звезда всю ночь дрожит у большого камня, где крабей дом, а утром греют то-мат...

Утром, когда самая ярная звезда утонула, и большому камню подошел человек. Он увидел краба и спросил: «Как живешь, старик? Краб развел клешнями: «Да так кан-то...» «Ну, здравствуй!», — сказал человек и протянул в воде руку. Краб весь сманял и заспешил в дом, прятаться. «А мне показалось, ты хотел побеседовать», — сказал человек. Он задумался. Долго сидел у большого камня. Вспомнил смешного сердитого краба. Собрал несколько ракушек, выброшенных океаном, и пришел с ними домой, задумчивый и добрый.

Коричневые, витие и немного вытянутые раковины похожи на суставы краба. Из домина моллюска получилось туловище. Клей «БФ-2» и зубной пластилин прочно скрепили «детали». Так краб навсегда поселился в доме сиультора из Владивостока Анатолия Михайловича Побребинова. Потом вместе с крабом в комнате стали жить нит, сделанный из коричневых устричных створок, смешанной слоненом, хитрый лис. Емели из сыз-мос, мозги, завяц.

Теперь уже можно и нуноо всерьез говорить об этих оригинальных работах сиультора как о настоящих сувенирах, которые принесут радость в дом человека, побывавшего в гостях у Дальнего Востока. Но сувениры эти пока уникальны. Вместе с дочкой-школьницей Наташей Анатолий Михайлович собирал для них ракушки под Владивостоком. Он мечтает сейчас о большой экспедиции по рекам, островам и бухтам Южного Приморья — за новыми видами ракушек. Мечтает сиультор Побребинов и о том времени, когда будет налажено массовое производство приморских сувениров. Это несложно. Анатолий Михайлович сам детально разработал его технологию.